

Собрание сочинений

Юзеф Игнаций
Крашевский

Крестоносцы 1410

Юзеф Игнаций Крашевский

Крестоносцы 1410

«Э.РА»

1882

УДК 821
ББК 84 (2Пол=Рус) 8-4

Крашевский Ю.

Крестоносцы 1410 / Ю. Крашевский — «Э.РА», 1882

ISBN 978-5-99062-248-7

Исторический роман Юзефа Крашевского «Крестоносцы 1410», как видно из названия, описывает события 1410 года и противостояние Тевтонского Ордена и Польши, которое заканчивается Грюнвальдской битвой и осадой Мальборга. Главная героиня романа – «сестра» Ордена, шпионка Офка, верно ему служит и всевозможными способами хочет предотвратить падение Ордена...

УДК 821

ББК 84 (2Пол=Рус) 8-4

ISBN 978-5-99062-248-7

© Крашевский Ю., 1882

© Э.РА, 1882

Содержание

Том I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юзеф Игнаций Крашевский

Крестоносцы 1410. Картины из прошлого

© Бобров А.С. 2018

Том I

Заходящее солнце ярко освещало красные стены замка Мальборо а скорее трёх небольших замков, расположенных на холме, с которого открывался красивый вид на Ногатские луга. Было время, когда все собираются на отдых и к дому: крестьяне – с полей, путешественники – с трактов в таверны, скот и лошади – с пастбищ, даже птицы с пищей прилетали в гнездо.

На улице, ведущий к верхнему замку, было полно разного народа, проталкивающегося к выходу и выходящего из крепости в город.

Сильный шум и голоса людей царили в узких воротах, до отказа набитых различными человеческими фигурами, среди которых и знатнейшие рыцари, и беднейшие нищие соприкасались друг с другом. Были слышны крики кнехтов, прокладывающих рыцарям дорогу в толпе, фыркание лошадей, крики стражи и пронзительные голоса просящих милостыню на дороге.

Рядом под стеной, над которой возвышался костёл Святой Девы Марии с огромным изображением Богородицы, помещённом на золотом фоне, сидели в ряд нищие, распевая вечерние песни. Колокола костёлов звали на молитву, в монастырских стенах – на часы, службу братьев и рыцарей.

Каждый из этих колоколов имел свой голос, по которому его узнавали свои, и говорил о чём-то другом и иначе. Одни звучали протяжно и долго; вторые отрывистыми звуками повелительно звали; другие молились, медленно раскачиваясь, мечтающие, словно от вечерней песни. В солнечных оранжевых лучах красные стены Мальборга, *ex lutho*, построенного из грязи, сияли рубиновыми красками и пурпурным покрытием. Казалось, что кирпич, из которого его построили, был смешан с кровью, в крови выдержан и кровью облит.

Острые верхушки с узкими окнами поднимались вверх, по карнизам скользили вспышки света, как золотые нити, а в оконных стёклах в свинцовых рамах отражалось солнце, как будто из них вырывалось пламя.

Великолепный и в то же время страшный был вид у этого замка вечерней порой, с этими кровавыми стенами, наполовину затенёнными, наполовину горящими пламенем. И кто его видел, должны были дрожать под мощью Ордена, который из шатра вырос в такую крепость и из лагеря сделался завоёванным государством.

Здесь чувствовалась великая мощь и сила.

Всё выглядело чрезвычайно большим: тянущиеся внешние и поднимающиеся огромные внутренние стены; образ Св. Марии в золотой нише, полностью занимающий пространство стены костёла, башни, ворота, подъезды, костёлы высоко выросли и сами люди, что заполняли здания, тоже были отборные и сильные. Конные рыцари, целиком обложенные железом, отобранные из рода, что в пущах германских воспитывался для борьбы с дикими зверями. Тяжёлые и рослые лошади под ними, одетые в тонкие железные бляхи, были также для них подобраны. Кнехты, которые ехали за господами, во всём походили на них, собаки, что за ними бежали, были подобны волкам – силой, шерстью и размером.

Во всех пеших людях, также из замка в замок текущих, по белым плащам с полукрестами можно было узнать полубратьев. Рослые и сильные, гордые и дерзкие, они разгоняли убогую челядь, рождённую на этой земле и похожую на рабов. Им спешно уступали дорогу, потому что каждый кнехт легко пользовался кулаком и палкой. Побитому кричать не разрешалось, когда его бил господин. А роились белые господские плащи около замка по той причине, что с разных сторон к новому магистру прибывали посланцы и рыцари, комтуры Ордена и городские общины, княжеские послы и немецкие гости с Рейна, Швабии, Франконии, Люзации, Саксонии, Баварии и всего германского муравейника.

Однако для всех места было достаточно в замках, верхнем и среднем, и во всех тех зданиях, тянущихся на возвышенности, не считая подземных помещений, в которых также разместились под колодой не один гость.

И никогда издавна не было в Мальборгском замке так людно, потому что ни для кого не было секретом, что собираются на войну. Ягайло требовал землю Добжинскую, а Витольд – Жемайтию, и хотя в Витольде Орден почти был уверен, но всё же столько раз в нём разочаровался, что нужно было соблюдать осторожность; хотя на стороне крестоносцев были все немецкие герцоги, помощь которых была им обещана и куплена; хотя королю Сигизмунду также обещали заплатить, хотя польский король и брат его противостояли им почти одни, никого с собой не имея, нужно было готовиться с немалым трудом и старанием, чтобы их победить. По всему пространству орденских земель ехали гонцы, чтобы привести замки в порядок, отовсюду приносили новости, услышанные на границе, еду, порох, коней, доспехи и стягивали пушки. Шли переговоры о мире, но никто в нём не был уверен...

Новый магистр, избранный после смерти Конрада, брат его Ульрих, был старый вояка, хотя человек ещё молодой, потому что рано начал участвовать в походах Конрада Валенрода и неустанно сражался с ним бок о бок; воевал комтуром в Валге, где никогда не знал спокойствия, а потом был орденским маршалом, вплоть до смерти брата.

Он был скорее воин, чем вождь, быстрый, вспыльчивый, властный, склонный к гневу и импульсивный; а сила Ордена вскормила его так, что гордость в нём разгорелась сильным пламенем. Иметь такого врага против себя, Орденом заправляющего и вооружённого его любовью, из Германии, как из кладовой тянущего людей и железа, было опасно.

Каждый день шли письма и курьеры из Мальборга на запад, даже на Рейн, и призывали в замках немецкое рыцарство на тихие славянские земли, которые выскальзывали от горсти крестоносцев; каждый день также с гданьской башни были видны новые поступления отрядами направляющихся на охоту тевтонских рыцарей против Литвы, Руси и Польши.

Поэтому и в это вечернее время жаркого июльского дня было так шумно в воротах и возле стен, а в замке было слышно ржание коней, звон оружия, лязг доспехов на рыцарях... и сбрасываемую броню, которая, падая, звенела. Итак, комтур Генрик фон Швелборн ехал из Тухола в замок и приказал кнехтам проложить дорогу, потому что людей возле себя не любил, не терпел любого, кто бы с ним соприкасался. Он сидел на огромном иноходце, в доспехах и плаще, накинутым на плечи, в шишаке, забрало которого было поднято.

Из-под него смотрело грозное лицо, с чёрными усами и бородой, похожей на въеху, с кустистыми бровями, с красными и выступающими губами, словно от крови разбухшими. И догадаться было легко, зачем он спешил из Тухола к великому магистру. Потому что все знали, что он не терпел Ягайлы и его народа, и говорил, угрожая, что кровь бы его пил с удовольствием, а, говоря это, он смеялся, показывая белые зубы, острые, как у волка. Он тоже хотел войны, на неё призывал и радовался, что она скоро будет, потому что казалась неизбежной.

А когда он въезжал в ворота с четырьмя рыцарями за собой и десятком кнехтов, с другой стороны хотел в них втиснуться какой-то бедный человек, немолодой, с посохом, по чёрному длинному одеянию которого трудно было понять, кто это мог быть: паломник, ксендз, нищий или господский слуга.

А так так, входя, старик не уступил комтуру, потому что не видел, толкнули его так и припёрли к стене, что лошадь комтура копытом придавила ему ногу. Несчастный даже издал крик, за что получил удар мечом плашмя по шее от самого Швелборна.

И поднял старик глаза на него, и взгляды их встретились, а взор у старца, несмотря на боль, был такой лучистый и мощный, что комтур возмутился и нахмурился, удивлённый тем, что убогий человек так посмел смотреть на него. Старик всё-таки этого воина не испугался, глаза в глаза мерил он Генрика, который не спеша его миновал, и одной рукой, скорее с насмеш-

кой, чем с покорностью, приостанавливаясь, приподнял на голове чёрную шапочку и показал среди своих волос круглый знак тонзуры, давая понять, что был священником.

Посмотрев через плечо, комтур заметил этот знак и гордо рассмеялся, как бы хотел сказать: «И что мне, что ты священник, а я вот – монах и рыцарь самого сильного в мире братства, и насмехаюсь над твоей тонзурой и твоим саном».

Старец медленно надел шапочку, а худой рукой ухватился за раненую ступню и, постояв минуту, хромая, медленно поплёлся в глубь замка, который, казалось, ему хорошо знаком, ибо о дороге в инфирмерию не спрашивал.

Но чтобы туда дойти, необходимо было перейти верхний двор и внутренние ворота, а тут была давка ещё хуже, чем на улице, и господствовал ужасный шум.

Стояли придерживаемые кнехтами лошади с опущенными головами, ожидая, пока им укажут конюшню, крутились служащие и монастырская челядь, разгружались телеги, скатывались бочки, пройти было нелегко даже одному человеку, так как толпа толкала и бросала, как мяч, что упал на дорогу, особенно, когда не имеешь на себе белого плаща.

Старичок с раненой ногой, с белым посохом, который был в руке, и с кожаной сумочкой за спиной так убого выглядел, что его даже слуги уважать не хотели: толкали беднягу, но он дал себя толкать со смирением и слова не сказал, и руки не поднял. Комтур как раз слезал с коня, когда, хромая, приближался старик, посмотрел на него искоса и одному из братии приказал позвать его к себе.

Молодой монах подбежал на несколько шагов к путешественнику, не сказав ни слова, схватил его за плечи и толкнул перед собой к комтуру, который стоял на ступенях у входа, вынимая из калеты монеты, которые хотел дать как милостыню обиженному.

Когда его поставили перед комтуром, старец повторно обнажил голову и тотчас покрыл её, а потом, подняв очи, с любопытством посмотрел на него. Должно быть, его лицо произвело на Швелборна впечатление, потому что, уже держа в руке деньги, он всматривался в него с каким-то изумлением, словно не мог постичь. И действительно, этому красивому облику старичка можно было удивляться – таким он в поношенной убогой одежде путешественника казался дивным, такое священное блаженное спокойствие было разлито в красивых чертах бледного его лица. Седовласое, белое, светлое, оно мягко улыбалось, из его очей било как бы сияние, достигая самой глубины, и стоял он как голубь перед ястребом рядом с комтуром, с высокомерием смотрящим на него с высоты.

– Ваше преподобие, это на святую мессу за успех оружия комтура с Тукола!

– Бог вознаградит! – тихо ответил ксендз. – Буду молиться!

– Откуда вы идёте? Издалека?

Ксендз немного колебался.

– Да. Издалека, издалека – из Силезии иду.

– А куда?

– К чудесному образу пресвятой Марии Мальборгской, – и указал рукой к костёлу, на стене которого сиял тот огромный образ св. Марии при часовне Святой Анны.

Комтур посмотрел на него, ничего не сказал, повернулся и пошёл по внутренней галерее к великому магистру.

Старец, подержав в ладони деньги, не спеша их спрятал, а вернее, сунул небрежно в торбу; затем, так как больная нога больше мучила его, ещё тяжелее опираясь на посох, потащился к нижнему замку, где были госпиталь и трактир для путников. Тут уже дальше были более пустые дворы, но и здесь крутилась челядь, ведь в большой трапезной намечался ужин, а гостей было достаточно, которых великий магистр у своего стола тоже принимал достойней. Поэтому катили бочонки с мёдом и гданьским чёрным пивом, зелёные бутылки с вином, другие обеими руками несли оловянные миски, которые едва могли сдвинуть двое. И слуги смеялись над запретным плодом, так как сами вынуждены были обходиться тончайшим стаканом. Ста-

ричок медленно проскользнул вниз к инфирмерии, чтобы показаться госпиталиту и просить его о ночлеге – но и сюда доступ был нелёгким. Прислужники стояли у дверей, через которых должны были докладывать об аудиенции; они спрашивали имена прибывших, несли их к госпиталиту и приносили ответ. Двое там, опираясь о раму, зевали, когда священник приблизился и поклонился.

– Я ксендз, – сказал он, – паломник с земли силезской к Пани Марии, благочестивый, старый, раненый, о ночлеге прошу.

Один из широкоплечих кнехтов присмотрелся к старику и молча неохотно вышел. Послышался двойной стук и после этого – тишина. Через минуту вышел служитель и рукой указал ксендзу следовать за ним. После нескольких ступеней, на каждой с больной ногой отдыхая, дотащился старик до сводчатого коридора и через углубление в стене был впущен через дверь в небольшую комнатку, а из неё в обширную, чистую, сводчатую комнату, в которой на удобном кресле с подлокотниками, с подушками и подставкой для ног, сидел немолодой, очень тучный мужчина с раздутым и красным лицом.

Недавно он, может, дремал, потому что и сейчас ещё имел полусонный вид, а скрещенные руки держал удобно перед собой.

Ксендз с порога поклонился.

– Откуда? Кто? Как? Зачем? – обратился, словно не думая, сидящий в белой одежде госпиталит.

– Ксендз, пилигрим, силезиц, к чудесному Мальборгскому образу; прошу о гостеприимстве.

Госпиталит одной рукой почесал голову.

– В самое время, потому что подадут ужин, мы вас просим. Никому, во имя Марии и святого Иоанна просящему, не отказывается в отдыхе.

Затем он взглянул на пол, на котором стоял гость. Место, где он стоял, обозначилось тёмным пятном; нога стояла в лужице крови, текущей из неё.

– А это что такое? – вскричал удивлённый госпиталит.

– Случайность! Пусть будет во славу Божию, что страдаю и что позволил хоть капельке крови пролиться.

– Что же с тобой случилось, отец? – спросил госпиталит, очевидно, обеспокоенный кровью, а может, больше пятном на чистом ковре.

– Моя вина... Поспешил я в ворота, когда ехали рыцари. Лошади их привыкли топтать неприятеля, так и своим от них достаться может.

– Иди же, отец, иди, сначала в госпитале тебе ногу осмотрят и перевяжут.

Он хлопнул в ладоши, вошёл полный слуга, тяжело ступая.

– Проводи отца до госпиталя, пусть ему перевяжут ногу, посадят ужинать и назначат ночлег...

Низко поклонившись госпиталиту, пошёл священник молча за проводником. Недалеко находились двери больницы, в которых можно было видеть нескольких стоявших братьев. Им и передал его посланный.

Даже не поздоровавшись, показали ему двери в помещение. Один из служащих, которому тот дал приказ, приблизился к сидевшему на скамье пилигриму. Он молча наклонился к ноге, а когда её уже собирался взять в руки, взглянул старику в глаза и тихо воскликнул.

Старец приложил палец к устам. Он осмотрелся и сделал знак, чтобы молчал.

Держа в дрожащих руках ногу старца, коленопреклонённый, с уставленными на него глазами, брат-лазарит казался изумлённым. Ксендз улыбался ему добро и мягко.

Кровь между тем текла на пол. Когда он увидел её, только живо взялся за развязывание обуви старика. Простую кожаную обувь, завязанную верёвками, легко было снять, трепьё, в которое была обёрнута стопа, было всё окрашено кровью.

Вопросительный взгляд обратил брат, увидевший распухшие пальцы, из которых конская подкова добыла кровь.

– Лошадь наступила, ибо Господь Бог так захотел, лишь бы терпел. Приложите, о брат, воды, перекрестите рану, и ничего не будет.

– Отец мой, вы здесь? Пешком? Я ведь глазам не верю...

– Путником иду, дав обет, к Марии Мальборгской; что удивительного!

– Один?

– С Богом!.. С ангел ом-хранителем...

– В вашем возрасте?

– Безопаснее всего; бедного старца разве что конь зацепит, а люди ему плохого не сделают, обойдут...

Ксендз вздохнул, брат опустил голову, размотал ногу и, тут же подбежав к большому дубовому шкафу, otvorил обе створки. Запах сушённых трав, сильных корней и лекарственных препаратов вышел из шкафа, освежающий и приятный. На полках стояли банки и бутылки, лежало бельё и бинты. Брат быстро обернулся и, набрав воды из крана, торчащего в большой глиняной чаше на стене, начал осторожно обмывать ногу, вытирать, а потом обложил её лёгкой лесной губкой, чтобы остановить кровь, и старательно обернул бинтом. Он нашёл часть ткани и ею покрыл сверху.

– Бог наградит тебя, мой Франк! – обратился ксендз. – А когда вернусь домой, расскажу вашим, что вы живы тут, здоровы и на святой службе.

Старик вздохнул, а брат его прервал:

– Не говорите обо мне никому ни слова, ни где я есть, ни что я делаю: пусть воспоминания обо мне сотрутся.

Он с грустью замолчал.

– Святой службы не нужно стыдиться, – добавил священник, – она, наверняка, лучше, чем та, что на коне и в доспехах, с высокомерием в сердце и кровью на руках. Та кровь, которой ты свои руки испачкал из любви ко мне, не пятно, по крайней мере, и на душу ни ложится.

Брат посмотрел на него и из груди его вырвался второй вздох.

– Отец мой, в госпитале приглашают к столу. Я вас поведу, подам руку, посажу: вам необходимо подкрепиться.

– Целый день у меня во рту, кроме воды, ничего не было, – сказал священник. – Но я накануне хотел попоститься...

– Так и солнце уже зашло, – добавил, подавая руку, Франк. – Пойдёмте!

Таким образом, вышли они из госпитальных палат. Неподальёку не более чем в нескольких десятках шагов была трапезная инfirmерии.

Орденский стол рыцарей и братьев, согласно их уставу, был очень скромным, только в инfirmерии был больше и лучше, его было можно подать больным, гостям, паломникам, пришельцам, старым и тем, кто любил удобства. Сюда часто и здоровый просился, чтобы поесть повкусней и побольше, ибо в инfirmерии хватало всего: короли и князья здесь могли есть...

Трапезная была длинная, как все палаты, сводчатая, а огромный стол на кривых ножках, постановленный вдоль, занимал её середину. С одной стороны её освещали узкие окна, выходящие во двор, с другой стояли шкафы, столы для посуды и было ставнями снабжённое отверстие, через которое подавали миски из рядом находящейся кухни.

На противоположной входу стене, на поставце, выступающем из стены, стояла деревянная статуэтка св. Марии, окрашенная и позолоченная, а пониже находилась подобная фигурка св. Иоанна. Позолоченные также ленты, обмотанные вокруг них, содержали соответствующий текст.

Слева между окнами небольшой амвон раньше служил лектору и в обеденное время на нём читались Священное Писание и легенды. Теперь же в инfirmерии, кроме благословений и

молитв, больше ничего читать было непривычно. Ещё незажённые подсвечники были поставлены у стен. Они были сделаны из оленьих рогов и имели приготовленные свечи, вставленные в них.

Когда старичок вошёл на порог, трапезная уже была полна, а крутилось в ней столько и таких разных людей, что сначала, как бы слегка испуганный, он остановился у двери. До еды ещё время не подошло, а так как старик не мог стоять, брат усадил его на скамью неподалёку от двери, ибо идти дальше уговорить не мог. Глаза всех обратились сразу с интересом на убогого путника.

И он также, по правде говоря, имел бы что рассматривать, если бы был заинтересован в этой разноцветной собранной дружине.

У стола уже сидело несколько орденских рыцарей: один старый и дряхлый, второй был калекой без руки, у третьего чрезмерная тучность стала болезнью и ему предписывался отдых. Были ещё двое, которые, возможно, сделались больными, чтобы лучше поесть за глаза. Кроме монахов, было много путешественников, видно, из рыцарских кортежей прибывших князей и баронов; были и клирики, и различные писари, и посыльные из Германии, и горожане. Хотя, вроде бы тихо вёлся разговор, а шум стоял такой, как будто шумел поток воды. А этот шум иногда нарушался смехом, сравнимым с камнем, разбивающим волну.

Тот толстый рыцарь, хотя никто ещё не ел, достал с пояса нож и отрезал крупные куски от буханки лежащего перед ним хлеба, намазывал их маслом и жадно пожирал. И так был занят этим делом, что не заметил как на него со всех сторон обратились взгляды, потому что он уже одолел половину буханки и мог смело проглотить целую, судя по жадности, с какой он угощался.

Ксендз с больной ногой, не смешиваясь с другими гостями, опираясь на белый посох, уселся сбоку на лавку и ждал пока принесут миску.

Брат-лазарит стоял рядом с ним, чтобы подать ему руку. Затем один из рыцарей высокой фигуры, худой и бледный, приблизился к сидящему, о чём-то поговорил с лазаритом и, вероятно, не узнав, чего хотел, спросил старца:

– Откуда тебя Бог ведёт?

– Из Силезской земли.

– Добрая земля! – ответил рыцарь. – Она родит доблестных дворян, которых здесь у нас достаточно, только её захватило польское племя... потому что там этого ещё хватает...

Старец поднял голову.

– По-Божьему, одно племя не лучше другого; все мы христиане, кровью Спасителя искуплены.

Рыцарь пожал плечами.

– Являются ли они христианами, в этом я сомневаюсь, – добавил он, – а что здесь на польской земле своей короля грязного язычника имеют, в этом я уверен. Но скоро мы ему рога выдернем.

Не ответил ничего ксендз.

– Что же вы в дороге слышали? Ведь вы должны были идти через его край.

– А что я мог слышать, от костёла до костёла идя и по дороге молясь? – говорил старичок. – В костёлах – колокола, а по дороге – солнце, пыль и грозы встречал я.

– Всё-таки там, я слышал, всерьёз на войну с нами собираются?

– Мне о мире говорили, – отпарировал ксендз.

– Пусть нас Бог от него убережёт! – резко крикнул рыцарь. – Во сто крат лучше война, чем такой мир, какой мы имеем, во время которого мы должны быть в броне, а днём и ночью бодрствовать... Однажды с этими разбойниками нужно покончить.

И этими словами не склонил он старичка к разговору; затем все задвигались, потому что были принесены миски с рыбой, а запах имбиря и шафрана наполнил комнату. Затем нетерпе-

ливо были заняты места, а кто мог, сел ближе к миске. Среди шума была прочитана Bénédicité. Старичок смиренно расположился в сером конце.

Брат-лазарит остался здесь и присел на лавку, чтобы сопровождать ксендза, когда он поест. Ели спешно и в молчании, потом начали осматриваться вокруг себя. Один из старых рыцарей, который не владел раненой в бою рукой, подсел позже к пилигриму, с интересом глядя на него. Это был человек худой, с вытянутым лицом, впалыми щеками, большими глазами, со скудной растительностью на подбородке, а когда зубы ели, челюсти западали так необычно, что придавало его чертам издевательское и неприятное выражение.

Он осматривал старичка очень внимательно, а когда съели рыбу и были принесены вторые блюда, подтолкнул его, всматриваясь, и спросил:

– Где-то я вас видел?

– Возможно, – ответил старик, – я много по свету ходил, в разных местах бывал; но не помню...

– И я нет... – молвил воин, потеряв лоб, – а клянусь, что где-то мы встречались, и это не тут, на нашей земле, а на чужой.

– Бывали вы где-нибудь раньше? – спросил старик спокойно.

– Много в Германии, Чехии, в Лужицах, Шлукке, Польше, Литве и Руси, и даже на Рейна, у швабов и франконов.

– В Силезия моя отчизна, – ответил священник.

Рыцарь по-прежнему всматривался и думал, оперевшись на локти, искал, видимо, чего-то в памяти.

– Не бывали вы когда-нибудь с Витольдом у нас?

– Нет, – изрёк ксендз, – на его дворе я никогда не гостил.

– А на Ягайловом? – подхватил вояка.

Ксендз на мгновение замолчал.

– В молодости, много лет тому назад, я писарем был при епископе краковском, когда другого не доставало.

Рыцарь закусил губу.

– Видите, так мы наверняка на каком-нибудь съезде для переговоров встретиться должны были. Но теперь вы им не служите?

– Я Богу служу, и больше никому, – сказал старичок.

Рыцарь задумчиво начал смотреть в миску и молчал какое-то время, но иногда поглядывал на старичка.

– Это удивительно! Вы же как раз в то время, когда мы собираемся на войну с Ягайлой, прибыли сюда...

– Какое дело мне до войны? – молвил старик. – Я не воин... кроме Христова.

– Ведь вас легко заподозрить. Вы же сюда подглядывать за нами пришли? – пробормотал рыцарь.

Удивлённый старик посмотрел на него и рассмеялся.

– Я ксендз...

– А мы сами монахи, – ответил тоже со смехом крестоносец, – всё-таки, когда нужно, пускаемся на разведку. Я также не раз переодетым на королевском дворе у чехов гостил.

– Ваш орден – свободный, – сказал ксендз, – сегодня скорее солдатами, нежели монахами вы можете называться.

– Как это – сегодня? – подхватил крестоносец. – Разве что-то у нас изменилось?

Последние слова он произнёс обиженно и вызывающе. Старичок опустил очи и, казалось, думал.

– Ударьте себя в грудь, вспомните более давние времена... Действительно, действительно, вырос Орден в силу, но сила несёт в себе высокомерие, а высокомерие – это зло.

Рыцарь оперся на локоть и насторожился.

– Суровые слова и на моих глазах! – воскликнул он.

– За глаза бы я их не говорил, а скорее, защищал бы вас, – мягко протянул старец. – Вы видите мои седые волосы, и хоть убогую, но духовную одежду. Не годится мне врать, когда просите, чтобы я говорил.

– Ну ладно. Молчу.

Какое-то время затем действительно длилось молчание. За столом велась беседа между всеми, полный рыцарь опустошал кружку с пивом, задыхался и вытирал пот.

– Итак, война, – сказал кто-то с другого конца стола, – и если разразится, мы знаем нашего магистра, не поведёт он её лёгкой рукой и в шутку: война должна быть – либо жизнь, либо смерть. С одной стороны король римский, венгры – мы с другой... Кто знает, к какому князю присоединится Витольд!.. Ягайло должен жизнь отдать, и в Кракове мы мир заключим.

– Аминь! – прибавил второй.

– Мы всегда грешили тем, что за рукав кому-то тянуть себя давали, а неприятеля щадили! Просили папа, король, император, мы договаривались и терпели, а спесь этого язычника росла.

– С позволения вашей милости, – прервал медленно старый ксендз, на которого все обратили взгляды. – Не мне судить, кто прав, а кто виноват, потому что это не моё дело, но что до короля Ягайло, правда велит сказать, он христианин и очень ревностный. Не проходит и дня, чтобы он не слушал святой мессы, хотя бы и в позднее время, а бывает по два и по три раза слушает. Даже на охоту духовенство с собой возит, по пятницам постится и молится на коленях.

Некоторые начали смеяться, иные разразились гневом.

– Кто же это? Поляк? – отовсюду посыпались вопросы.

– Я из Силезии...

– Э! Полполяка! – пробормотал кто-то с презрением.

– Почему же вы защищаете Ягайлу?

– Не Ягайлу, а правду защищаю.

– Наверное, не правда это, – вырвалось у кого-то из-за стола. – С покойным великим магистром Конрадом мы несколько раз ездили на границу для переговоров с королём. Я видел его вблизи. У него языческие обычаи. А вы знаете, почему он в лесу больше всего любит сидеть? Чтобы змеям молиться и под старыми дубами суеверие своё отправлять. Я сам видел, как, выходя с утра из палатки, он соломку сломал, бросил и обернулся вокруг, чиня какое-то колдовство.

– Ну да! Так и есть! – подтвердили другие, смотря на ксендза, который молчал.

– Что же вы об этом скажете? – подхватил сосед.

– Останусь при своём, – сказал старец. – Он христианин.

– А мы, пожалуй, у вас язычники! – засмеялся один из старых.

– Не знаю – ответил спокойно пилигрим. – Крест всё-таки на груди носите и верю, что его и в сердце имеете.

За столом забормотали.

– Кто этот бродяга? Откуда?

– Пилигрим. Священник из Силезии.

– Что-то из его уст плохое слышно, – прошептал один из братьев. – Ягайлу защищает...

Один тайно встал из-за стола и вышел из боковых дверей.

Разговор продолжался дальше, а глаза мерили молчащего старца. Начиная опускаться сумрак и зажигали свечи в роговых подсвечниках. Некоторые забавлялись кружками с пивом. Старичок встал, сложил руки и, не дожидаясь бенедикции и молитвы, один, стоя, потихоньку начал молиться.

Все искоса на него посмотрели, будто считали ему за зло, что свою набожность хотел показать в пример.

С конца стола его окликнул старший:

– Следовало всё-таки подождать и других на молитву!

– Я старый, слабый и искалеченный, – запричитал священник, – прошу разрешения удалиться на отдых.

Он хотел отойти от лавки, когда сосед удержал его за руку: старик пошатнулся и уселся.

– Подожди, преподобный отец, – добавил, смеясь, – прежде чем вы уйдёте отсюда, вам нужно с кем-то минуту поговорить.

Эти слова он сопровождал насмешливой улыбкой. Старичок, ничего не отвечая, остался на месте: взгляды всех были снова обращены на него.

Некоторые посмотрели на двери, когда те отворились, а в них показались двое кнехтов с алебардами в руках. Сидящий рядом с ксендзом, улыбаясь, указал старику на них.

– Вы пойдёте с ними, – сказал он, похлопывая его по плечу, – и не забудьте что-нибудь интересное поведать о короле Ягайле.

Брат-лазарит, увидев кнехтов великого магистра, немного побледнел, посмотрел на ксендза, который уже искал поставленный в угол посох, и вышел из трапезной.

Шёл, ковьяля, в молчании старичок между кнехтами через двор, назад к среднему замку, где были палаты знатных рыцарей и капитул Ордена. У входного крыльца через слугу сообщили великому магистру, что привели пилигрима, как он приказал. Вышел монах в белом облачении, с бритым лицом, духовный, и показал дорогу через внутренние галереи и коридоры во внутренние помещения.

По сводчатой небольшой комнате прогуливался мужчина в рыцарской одежде, высокого роста, с красивым лицом, чёрными быстрыми глазами, когда впустили ксендза. Тот остановился, увидев священника, и пристально стал в него всматриваться...

Фигура была господская, и хоть не имел на себе никаких знаков достоинства, кроме золотой цепи на груди и перстня на пальце, понять было легко, что он должен был занимать высокую должность в Ордене.

Он глядел с гордостью, свысока и с великой мощью во взгляде.

– Мне сообщили неложно, – сказал он через минуту, – и я сам припоминаю, что вас при короле или при Витольде видел.

– При первом как-то только должность писаря временно справлял, – ответил ксендз, – а второму никогда не служил.

– Так вы не отрицаете? – живо подступая, сказал мужчина.

– Правды отрицать не могу.

– Значит, и остаток её вы должны дорассказать, – добавил рыцарь. – Кто вас сюда послал?

– Меня? Послал? – спросил старик. – Меня? А кто же и для чего меня бы сюда послал?

Рыцарь презрительно улыбнулся.

– Вы знаете, кто я? – спросил он.

– Я догадываюсь, что вы наивысший великий магистр ордена...

– Чем я и являюсь... в моей руке ваша жизнь... Говорите всю правду, кто вас сюда шпионить послал?

Ксендз осенил себя крестным знаменем.

– О, господин мой! – воскликнул он. – Моя одежда священника свидетельствовать за меня должна. Почему вы подозреваете меня?

Великий магистр рассмеялся, покачивая рукой, словно наказывал молчание.

– Вы считаете нас за таких простодушных, раз думаете, что мы поверим? Война приближается... Вы, который принадлежали когда-то ко двору короля, и наверняка принадлежите,

тайно прибываете в замок, вкрадываетесь в него и я вам поверю, что это из набожности, или вы это для забавы делаете?

Он начал смеяться. Старец молчал.

– И я вас выпущу на свободу, чтобы вы отнесли им вести о нас, а может, и о других замках и войсках наших... Действительно, хитрый король хорошо себе выбрал посла. Кто же на старца и священника обратит внимание? Но у нас хорошие глаза и подойти не даём.

– Магистр, – сказал старец, – не буду ничего говорить в свою защиту. Вот стоит подле вас крест Христов с изображением Спасителя. Принесу вам перед ним клятву, что я невиновен.

– Зачем мне присяга и лжесвидетельство, где явная вина и преступник, поманный на деле? Лучше признайтесь, расскажите, кто вас послал, поведайте, где король и войско его... раскаянием откупитесь.

– Я иду из Силезии, а по дороге молюсь, ничего не знаю, – простонал старичок. – За свидетеля моей невиновности я беру Богородицу, к образу которой я плетусь.

Старичок опустил голову, опёрся на посох и закончил, словно сам для себя:

– Да будет воля Твоя...

– Если по доброй воле не признаёшься, – проговорил магистр, – найдётся у нас палач и ложе, и шипцы, и верёвки, и кольцо... не ждите, чтобы я их использовал.

– В руке Божьей жизнь и здоровье моё, делайте, что хотите, воля ваша, но помните, что на небе есть Бог, и что он отомстит за невинного.

– На суд Божий меня вызываете? – засмеялся магистр. – Вы... одинокий червяк.

– Священник... – прервал старик с достоинством.

Магистр Ульрих начал присматриваться к старику, который под воздействием угрозы набирал серьёзность и величие.

Это был уже не тот, кто минуту назад был согбенным и покорным старичком, перед могуществом магистра склонившим голову: он поднял голову и глаза смело устремил на Ульриха.

– Отправляю тебя в тюрьму и на пытки, – сказал магистр.

– Ты господин, – изрёк священник, – действуй.

Оба стояли в молчании, меряя друг друга взглядом; мгновение магистр, казалось, колеблется.

– Я прошу вас, если поведаете, что делает король? Где лагерь? Где Витольд? Идут ли силезцы, чехи и моравы на помощь? Сколько хоругвей наёмников?

Возмутился старик и сделал движение.

– Магистр! – воскликнул ксендз, поднимая вверх руку. – Делай же слабым, что хочешь... Ни короля Ягайлы и его хоругви, ни князя Витольда с его русинами и татарами можешь не опасаться. Я тебе расскажу о других врагах, более опасных, которые победят Орден и повергнут.

Магистр стоял изумлённый.

– Не те войска, но небесные заступники выйдут против вас, с архангелом Михаилом, как раньше, против мятежных ангелов. Убьют вас не стрелы неприятеля, но грехи ваши...

Ульрих, не открывая уст, слушал, поражённый.

– Да, – продолжал старичок, волнуясь всё больше. – Вы называете себя христианским Орденom, а духа Христова не имеете... только сатанинскую гордость. Не с язычниками вы воюете, но добиваетесь могущества и богатств для себя; не в смирении и послушании вы живёте, но в роскоши и изнеженности, не в любви, но в ненависти и ссорах. Ваши грехи являются вашими врагами, которые вас победят.

Ничего не сказав, магистр хлопнул в ладоши и на пороге показался монах.

– Отдайте этого проповедника кнехтам! – приказал он. – Нужно чтить облачение священника. Это птичка дорогая и необыкновенным духом согретая, нельзя его бросать в любую темницу... следует почтить... как следует. В конце концов свободен склеп Витольда? Там, где сидел господин его, позволит себе старичок отдохнуть. Там ему будет удобно и безопасно...

Он говорил это с насмешливым выражением, когда кнехты уже показались на пороге, а за ними заранее ожидающий ключник с кошельком у пояса.

– Отдайте ему каземат Витольда, – добавил магистр, – ведь это недалеко от костёла, будет возможность молиться, слушая колокола.

– Бог заплатит! – проговорил старичок, опёрся на посох и вышел.

Кнехты с насмешками повели его между собой с обеих сторон. Впереди шёл ключник, иногда оглядываясь. Они вышли во двор, в котором было уже темно и пусто. Здания стояли чёрные и почти везде были погашены огни, только кое-где за шторами блеснул тусклый блеск лампы. На чёрном небосводе спокойно поблёскивали звёзды.

С покалеченной ногой старец едва мог медленно передвигаться, поэтому кнехты толкали его и тянули, так как ключник их опережал. Так они приблизились почти вплотную к Гданьской башне, где был вход в подземелье, пекарню и кухню, и спустились на несколько ступеней в глубину. Ключник сначала зажёл лампу в помещении стражника. Грубые и ничем не покрытые стены подземелья выглядели мрачно... ещё страшней выглядела окованная тяжёлая железная дверь, запертая задвижкой, в которой за решёткой на петлях было видно маленькое окошко.

Хотя ключник огромными руками, навалившись и напирая собой, нажал на дверь, не мог сдвинуть, пока не помог кнехт, и двери на заржавевших петлях, наконец, подались. За ними показался узкий проход, справа и слева были две тесные каморки, вероятно, для стражи.

Тут же напротив другую дверь, обитую железными бляхами, открыл уже страж и сам опередил пилигрима, осматривая затхлый каземат.

Это помещение было наполовину в земле, с одним окном, повсюду обитое толстыми деревянными балками, которые железными переборками были прижаты к стене. Из таких же балок состоящее ложе, пустое, холодный кирпичный пол, засыпанный пылью и землёй – и больше ничего не было.

Ключник осмотрелся, ибо ни жбана с водой, ни соломы на ложе не было.

– На ночь и так хорошо, – пробормотал он.

Утомлённый ксендз уже припал на ложе, не прося ни о чём, не говоря ничего, опустивши глаза, молился. Кнехты глядели на него с интересом; поглядел на него и старый ключник. Затем все вернулись к двери; последним вышел страж и на двери опустил один и второй ригели. Темнота окружила старца и нескоро немного ночных сумерек он увидел сверху, в решётчатом окне.

– Благодарю Тебя за всё, Боже! – прошептал он, складывая уставшие члены на досках.

Когда с покорностью заключённый шёл на отдых, в палате великого магистра ещё царил шум и увеличился после ухода старичка.

Кроме Ульриха Юнгенгена находился здесь комтур, прибывший из Тухола, Швелборн, в. госпиталит, который принимал пилигрима, и великий комтур, Куно фон Лихтенштейн. На столе можно было увидеть серебряные и стеклянные кубки с вином, чаши, полные миндаля, изюма и инжира. Великий магистр сидел задумчивый, другие прохаживались и вели оживлённый разговор.

– Я сразу в глазах этого хитрого змея прочёл, – говорил госпиталит, – что не благочестие его сюда привело.

– Да это понятно, что не просто так притащился, – запальчиво добавил Швелборн, – мой конь тоже почуял в нём врага, когда ему ногу придавил в воротах.

– Ягайло нужно знать, – сказал Ульрих, – и весь этот род литовских кунигасов... которым никогда нельзя верить. Давно ли этот Витольд, когда мы крепость у Дубиссы возводили, дерево нам из своих лесов велел возить и собственных плотников присылал в помощь?

– Может, для того, чтобы они ему донесли, где будет легче войти к крепость, – насмешливо добавил Швелборн. – Ядовитый змей!

– Старого шпиона завтра на ложе взять и потянуть его верёвками хорошенько, чтобы суставы повыскакивали: всё расскажет.

– Шпион, это явно! – молвил Лихтенштейн, великий комтур. – Признается или нет, сомневаться в этом не приходится. Наши крепости и города переполнены ими... так что нищих, даже не спрашивая, вешать прикажу, потому что в их лохмотьях измена ходит...

– Не сегодня завтра начнётся война и на это есть знаки, что всегда ей предшествуют, – прервал великий магистр, – поэтому мы должны быть готовы вступить в бой по первому призыву. Из Чехии и Моравии в Польшу потянулись наёмные полки. В Мазовии для войск очищают дороги в лесах. Король с Витольдом и мазовецкими князьями постоянно собирают советы.

– Богу пусть будет слава! Слава Богу! – взорвался Швелборн – По крайней мере мои мечи наконец кровью окрестятся. Я их для такого случая давно храню! Война! Мы-то к этому тоже готовы... Все комтуры ждут приказа, в Хелминской земле в замках смотрят только на бланки и подстерегают, скоро ли первое зарево покажется: побежим в бой веселее, чем парни на танец!!

– Дай-то Боже! – сказал великий магистр. – Ибо о мире говорить уже не приходится... ни ждать его. Меч должен решить.

– И кровь! – добавил Швелборн. – Пусть это однажды закончится и пусть нас разделят пустыни.

Магистр Ульрих вздохнул.

– Мы всё кладём на чашу весов, – проговорил он, – рискуем многим!

– С нами Бог! – воскликнул Лихтенштейн. – Бог Дружин с нами. Мы же сюда привели веру и свет... это варварство необходимо однажды истребить и землю, римскими папами и императорами нам данную, нам принадлежащую, нашей кровью запятнанную, занять бесповоротно. От этого народа нельзя добра ждать. Он упрямый и дикий, уничтожить его; пусть придут наши из Германии и заселят новый край. Нам тут лучше будет, чем кое-где на песках и дюнах; тут земля Обетованная, молоком и мёдом налитая, немцы ей только нужны, и она зацветёт. Та дичь навеки останется дичью.

Ульрих вздохнул снова.

– Это правда, о чём говорите, – вставил он, – а всё-таки есть столько жалоб на нас, что вместо того чтобы крестить, мы истребляем людей, что новых поводов давать не следует.

– Чем же нам эти крики вредят, чем они нас волнуют? – закричал Швелборн. – *Ego te baptizo in gladio!* Самая безопасная вещь, потому что отступничество уже невозможно, а душонка спасена.

Рассмеялись все, кроме магистра.

– Жребий войны – неопределённый, – прошептал он.

– Только бы война! Только бы наконец войны дожидаться, – крикнул Швелборн, вытягивая руки вверх, – только бы выехать в поле, остальное свершится. Могут они против нас устоять? Что же такое витольдово войско: дикари с дубинками, наполовину нагие, татары и русские, у коих железа не хватает не только на груди, но даже в руках... Лучше вооружено войско Ягайлы, но и этого мы не боимся... Они не способны.

Лихтенштейн приблизился к великому магистру.

– Я уверен, что никем пренебрегать нельзя, – сказал он тихо. – Нужно послать к чехам и морavam; они хоть говорят подобным с поляками языком, но с немцами живут и братаются. Есть между ними такие, которых можно получить. Пусть они придут... Конечно. Дойдёт до боя, пусть встанут в строю, а начнётся хорошая битва, будут знать, что делать.

Все в знак согласия покачали головой.

– Это-то вещь как раз выполняема, – ответил магистр вполголоса. – К Яну Сарновскому, который приведёт наёмный отряд чехов и моравян, послали, и согласие его получили: или против них повернёт, или совсем биться не будет.

Тихим бормотанием все объявили, что это хорошо.

– Против такого неприятеля, как Ягайло, все средства хороши, – молвил магистр, – потому что и он не иные использует. Против язычника также разрешено искать всякие способы, лишь бы от этой мерзости землю очистить, а кто они такие, что смеют бороться против креста, если не язычники?

– Хуже язычников, – вмешался Швелборн, – потому что переодеваются в одежды христиан, чтобы им вредить. Из язычника христианин быть может, из этих людей – никогда ничего хорошего.

Так запальчиво уносясь и выкрикивая, сидели они долго, пока магистр не встал. Время было позднее, поэтому все начали прощаться, и остался один магистр, призывая прислужников, дабы велеть им приготовить ему на ночь постель.

Рядом с комнатой, в которой происходило это шумное совещание, была спальня магистра, вроде кельи монаха, но по-княжески нарядная и излишне обставленная для удобства. Тут, стянув верхнее одеяние, Ульрих хотел уже отправить службу, когда слуга прошептал ему какое-то слово, и магистр накинул плащ, хотя по лицу было видно, что не с радостью это делал.

На пороге первых палат, которые только что опустели, стоял человек в монашеской одежде, с отвратительным лицом, с косым взглядом, потирая руки и заранее покорно склоняя голову.

Способ, каким он приветствовал магистра, позволял угадывать в нём одного из сановников Ордена. Был это, однако, казначей Томе фон Мерхейм, муж, славящийся хитростью, неразговорчивый, скрытный, но имеющий на всех немалое влияние. Не нравился он великому магистру из-за несхожести их характеров: один был рыцарем, другой – змеей. Но он должен был уступать, испытав плоды его советов.

Мерхейм был лысый, бороду имел редкую, зубы жёлтые и испорченные, кожу лица обезображенную красными пятнами.

Вся его фигура вызывала отвращение.

– Мне нужно сказать вам слово, – прошептал он, приближаясь, – а ваша милость должны меня выслушать, ибо я полагаю, что не без значения и не без пользы это будет.

– Время позднее, – изрёк магистр.

– Другого мы не имеем, – молвил с настойчивостью Мерхейм. – Днём вас люди отвлекает и днём явные следует дела улаживать, а ночью – тайные. Я знаю, что вы предпочитаете за врага братья рыцарским оружием, что в вас отвращение будит, когда к обману нужно прибегать, но мы ничего оставлять не можем. Воспользоваться слабостью врага – в этом весь смысл.

Магистр казался скучающим, сиел, кутаясь в плащ.

– Вы говорите, – сказал он тихо, – Сарновского согласно вашему совету купили. Чего же ещё вы хотите?

– Это ничего ещё, – изрёк, потирая руки, Мерхейм, – малая польза и неопределённая. Даю вам совет лучше. При дворе Ягайла мы имеем наших: его необходимо знать. Идёт он, королеву Анну оставив в Новом Корчине, по-видимому, не с большой охотой, но подталкиваемый своими и видя, что не избежит войны. Подозрительный и ревнивый, склонный к любви и полный суеверий, почему не воспользоваться этим?

– Нам-то что до этого? – спросил магистр неохотно.

– Вы знаете, что эту святую женщину Ядвигу, первую его жену, подозревал ведь! Анна Цылийская некрасива, но ещё молода, почему бы на неё ловко возведённое подозрение упасть не могло?

– Но что же нам до этого? Что нам до этого, повторяю? – отозвался Ульрих.

– Как что? Огнём будет жечь его глупая ревность, – молвил Мерхейм. – Покинет лагерь, войска, войну, и поручит следить за супружеским ложем.

– А как же это подозрение зародится? – спросил Ульрих.

– Нужен тот, кто умеет его возвести, а никто лучше этого не достигнет, чем женщина... Что же вы скажете, если бы она ему колдовство какое сотворила или напиток какой... а мы избавились от врага, лишь бы на славу Божью работать спокойно.

С презрением посмотрел магистр на смеющегося казначея.

– Темно мне это как-то, и, скажу правду, грязно и черно выглядит, – ответил магистр, – с оружием в руках бороться и жизнь отдать, это я понимаю, но так...

– Так это не ваше дело, – поспешил казначей, – и вам не годится вмешиваться в это. Речь о том, чтобы вы дали молчаливое согласие: возьмётся за это за грехи свои кто-то другой...

– За что? – спросил магистр.

– За всю работу... выбор людей, без которых не обойдётся, управление сетью, дабы рыба попала, вытягивание на берег, и остальное.

Он взмахнул рукой.

– Ну и что же мне до этого, хотя бы его даже не стало? – неохотно вскричал магистр. – Неужели там нет ни воина Витольда, ни мазовецких князей, рыцарства, и воевод?

– Но вождя убрать в минуту борьбы или его спойть и голову ему заморочить. Разве мало? – молвил Мерхейм. – Здесь речь о судьбе Ордена! Ваша милость знает одно: идти в поле и биться; но в поле всякое бывает. Обещают нам все, а много из них выстоит? Король римский Сигизмунд на двух тронах сидит; венгры войну объявят и не придут, другие спрячутся. Орден имеет силы, но равные ли тем, с коими будет бороться? Я не знаю. А знаю то, что чаша весов не доведешивает, бросить на неё или бутылку с напитком, или женщину, или сатану, любое на нашу сторону наклонит. Долг наказывает Ордену.

Глубоко задумавшись, сидел магистр, как бы взвешивал услышанные слова.

– Почему же вы тут не были пару часов назад, – сказал он, – и не слышали, что мне тут какой-то старец бросал на голову? Заволновалась душа моя, слушая, и приказал я его запереть в каземате, а слов его забыть не могу, так как его устами говорил Бог, или он сам; слова эти были великие и как свинец и камни на душу падали. Говорил, – тут магистр встал, взволнованный, – говорил, что Орден погибнет от собственных грехов, ибо креста, что мы носим на груди, нет в сердце. Кто же знает, не воюют ли против нас вины наши?

Казначей начал иронически улыбаться.

– Для Ордена, – вскричал он, – я охотно возьму грех на свою душу! Орден... для меня и для вашей милости должен быть всем. Грешный сегодня, завтра может стать чистым, и в живых его поддерживать вынуждает обязанность и присяга. Что до того, когда мы потеряем святость? Повторяю: я беру грех на душу, буду гореть в аду, но Орден нужно спасти.

– Кто же вам сказал, что Орден может погибнуть? – спросил магистр, поражённый.

– Не следует заблуждаться, – понизив голос, добавил казначей, – пусть другие силу Ягайло и Витольда умаляют и в неё не верят, мы между собой её оценим. Стянувши до последнего комтура и кнехта против Мазовии, Литвы, Жемайтии, смоленчан, русинов и их союзников, нас слишком мало. Говорят, соломенное это рыцарство, а наше железное; но двадцать соломенных железного повергнут. Ордену грозит уничтожение, я спасти его хочу, хотя бы рискуя потерять душу.

– Не верю в гибель! – прервал магистр.

– Вы верите в опасность, а разрешите мне спастись как я умею. Чем нам повредит, если несколько слёз от потока крови могут избавить.

– Только бы не грязью! – изрёк Ульрих.

– Да хотя бы навозом! – сопротивлялся казначей. – Вы хотите сорок тысяч золотых дать Сигизмунду, чтобы он им объявил войну? Возьмёт он их, но войну не объявит. Вы даёте Сарновскому за измену, а он возьмёт и предаст вас, а я ему сатану подошлю, и этот лучше мне поможет, чем короли и вожди. Свернётся ужаленный Ягайло, будет суматоха у его постели, в

шатре, в лагере с припасами, не считая того, что нам будут доносить о каждом королевском стоне.

Магистр в молчании отступил на несколько шагов. Казначей смеялся.

– Я уже от вас не прошу ничего, кроме кивка головы, можете ни о чём не знать, от всего умыть руки и даже гнушаться этим, лишь бы я знал, что не самовольно так поступил.

– Я очень хвалю ваше рвение, я равняюсь на него, – сказал магистр, – но, брат мой, тот Орден, который вы хотите сохранить, будет иметь пятно на белом плаще.

– Мы сделаем ему новые плащи, – воскликнул с насмешкой Мерхейм.

Он вытянул обе руки к Ульриху который отступил к спальне и стоял на пороге задумчивый.

– Когда вы были когда-нибудь на охоте? – спросил он медленно.

– Как это?

– Бывали вы на охоте? – протянул магистр. – Часто случается на ней, что медведь чело- века возьмёт под себя, прибегут спасать стрелки, выстрелит неумелый арбалетчик или пустит пулю и убьёт человека вместо медведя. Брат мой, лишь бы вы не были этим арбалетчиком.

– Когда бы я был им, – холодно изрёк казначей, – не стрелял бы, а на своё месте самого ловкого послал.

– Вы стоите на своём? – спросил Ульрих.

– С железной волей.

– Те орудия, которые вы хотите использовать, в готовности?

Мерхейм принял покорное положение.

– Найдутся, – сказал он тихо.

– Как это так? И... женщина?

– Хотя бы и женщина, – проглотил, сверкая глазами, казначей.

– А помощники?

– Те уже на месте, на дворе, при короле; в этих я уверен: я им плачу и держу договорами на привязи.

Изумился магистр Ульрих, подёрнул плечами.

– Ещё об одном должен вам поведать, – сказал он тихо. – Если получится – знать не хочу, если неповезёт, а разгласится – запру, прокляну, накажу.

– Как можно более жестоко: тюрьмой, судом, смертью, – завершил Мерхейм. – Я иначе этого не понимаю.

И он склонил голову с великим смирением.

– Орден превыше всего. Слава Ордену, добро ему, целостность! В огонь за него пойду и в грязь, как видите.

– В грязь! – машинально повторил Юнгенген. – Чтобы сказали: *ex lutho Marienburg*¹. – И он опустил голову на грудь.

Казначей поклонился, согнувшись вполтину, хотел уже уйти, и отступил назад, склонившись, сложив руки на груди, когда магистр позвал его ещё раз.

– Король в походе? Где и как вы можете найти средства?

– Это – мои тайны, – улыбнулся Мерхейм. – Ваша вещь – бороться, моя – копать ямки под землёй. Вы не хотели ни о чём знать и лучше, чтобы вы не знали. Вы сбросите любую грязь на меня, а заслуги на себя возьмёте.

Магистр пожал плечами и замолк, но по лицу было видно, что он не очень охотно и как бы вынужденно приостановился.

– Ваша милость, – тихо изрёк Мерхейм, приближаясь к нему, – у вас были доказательства моей любви и преданности Ордену; поверьте, что и сейчас любви его всё посвящу. Сражаться

---

¹ Из грязи Мариенбург (*лат.*)

в поле – красивая и великая вещь, но нужно, чтобы кто-то в доме и вне лагеря поддерживал. С ними война не одним железом должна вестись: мы должны хитрость против их хитрости поставить. Это моя вещь. Вы этим себе рук не марайте...

Он бил себя в грудь, настаивая, и, смотря в глаза магистру, как будто ждал только его позволения и спрашивал.

– Хорошо, – сказал Ульрих задумчиво, – делайте что следует, в чём вы видите потребность, сдаю на вас и ответственность, и заслугу. Освободите меня также от досадного дела, которое также вам нужно поручить. Мне донесли о шпионе в замке... Я приказал заключить его в тюрьму и в вительдовом каземате посадить.

– Вы хорошо сделали.

– Меня грызёт совесть; духовное лицо и на кресте присягать хотел, что не имел злых мыслей.

– Мы знаем о присягах! – подхватил казначей.

– Сдаю полномочия и судьбу узника на вас. Вы меня понимаете!! Делайте с ним что захотите. Не скажу ничего, если его освободите, ни запрещу, когда его на время войны запереть попросите.

– В вительдовом каземате приказали его посадить? – спросил казначей. – Великая честь для него и добрая темница для старого негодяя. Возьму его завтра на пытки: он должен всё признать.

– С пытками не торопитесь, – прервал Ульрих, – человек мне кажется не очень виновным, хотя и я сам и другие его на дворе Ягайлы писарем видели, чего он не отрицает.

– Нужны лучшие доказательства, с чем сюда и от кого пришёл, – засмеялся казначей. – Повесить, и всё тут!

– Он ксендз!

– Да хотя бы епископом был! – горячо отпарировал казначей. – Самые опасные те люди, которые ту одежду носят, что им безнаказанность гарантирует. Но будьте спокойны, я из него извлеку, что необходимо и как следует обойдусь.

– По-людски и как монах поступите, – отозвался Ульрих серьёзно, – прошу вас. Человек тот тронул меня своей смелой речью. Никчёмные люди ползают и молятся, он – громил и не давал сломить себя; я уважаю его.

– А! – прервал казначей. – Дерзость также невинности не доказывает; оставьте его мне: я справлюсь и найду средство добыть из него злым или добрым способом правды.

Сказав это, откланялся покорно Мерхейм, а магистр направился в спальню. У ключницы догорала вечерняя лампадка, когда вошёл Ульрих, вздохнул, бросился перед образом на колени, сложил руки и, головой на них опёршись, думал или молился, только Богу было известно.

* * *

На следующий день утром в костёле Св. Марии звонили к заутрени, а из братьев монахов мало кто тянулся на хоры, в которых несколько монахов стояло на часах, когда казначей, укутавшись плащом, приказал ключнику идти с ним в темницу Вительда.

Он был бледен, погружен в мысли и принял фальшивый образ доброжелательного человека. Ключник взял с собой кнехта, дабы он первую дверь сдвинул с петель, и пошёл, послушный...

Когда и та и другая отворилась, а казначей тихим шагом вошёл в каземат, всматриваясь в темноту, он нашёл старичка коленапреклонённым на молитве. Вскоре, однако, он встал, рукой опираясь о землю, так как на ногу ещё хорошо опереться не мог, и, почти не посмотрев на

входящего, сел на своё твёрдое ложе. На его лице отражалась боль и сильная усталость после ночи, проведённой на твёрдом, как камень, ложе, даже без горсти соломы под головой.

Через минуту казначей приблизился к нему с сожалением и состраданием, сложивши руки и пригнув голову к груди, обратился мягким голосом:

– Что же это за бесчеловечное обхождение! Даже покрывала никакого не принесли!

Ксендз ничего не говорил.

– Я один из монашеской братии... – добавил он, – я очень уважаю людей духовного звания. Я случайно узнал, что ваше преподобие тут заперто, вероятно из-за какой-то ошибки. Выпросил у ключника позволение увидиться, может, в чём полезным быть смогу.

Говоря это, он тоже присел на деревянное сиденье.

– Благодарю вас! – сказал старичок. – Я буду ждать судьбу, какая для меня приготовлена.

– Но что за причина, по которой вас здесь заперли? – прервал казначей. – Наш великий магистр – муж благородный, но приткий и горячий, как солдат. Вероятно, произошла ошибка.

– Я думаю, что ошибка. Потому что заперли меня как шпиона, а им я не был никогда! – отозвался ксендз, сокращая разговор.

– Но что в такое бурное время вынудило ваше преподобие сюда прибыть, и это ещё с польской границы?

– Я иду из Силезии. Моя цель – выполнить клятву, которую дал: помолиться у образа св. Марии и родню отыскать.

– Времена сейчас тяжёлые! – вздохнул казначей. – Все подозрительными становятся.

– У меня есть и другая цель, которую не скрываю, – завершил ксендз, – я ищу потерянный давно след сестры, которая много лет назад вышла замуж, говорят, что уехала в Пруссию. Об этом я не упомянул магистру, ибо эта цель была для меня вторичной.

– А та сестра? – изучал Мерхейм.

– Собственно о ней я и хочу узнать. Со своим мужем, который звался Носек, она переселилась в Пруссию.

– А! Носкова! – пробормотал тевтонец, улыбаясь.

– Вы знали о ней что-нибудь?

– Знают Носкову в Торуня все, знаю я и магистр, – сказал казначей, – это вам, однако, не много поможет. Брат за сестру не отвечает, сестра брату порукой невинности служить не может.

– То есть, в самом деле меня подозревают так тяжело? – молвил старец.

– Что же хотите? Это такие времена, времена, в которых мы своих собственных людей опасаемся, а что же до чужаков?

Он помолчал немного и вставил:

– А давно вы со двора Ягайлы отпущены?

– Годы прошли, как его не видел, – сказал старик.

– Но вы его знаете?

– Не отрицаю.

– Не правда ли, что он подлый язычник? – добавил Мерхейм.

Прошла минута в молчании, старик улыбнулся.

– Он король и господин христианский, – сказал он, – благочестивый, благотворительный и милосердный. Не верьте басням. Может, сохранила память первые верования и колдовство какое, но в Христа он верит и иного Бога не знает.

– У нас говорят иначе.

– Не удивляйтесь: он и враг, и вы издали его только видите или скорее слышите о нём.

– Это правда, – ответил казначей насмешливо, – и так же не удивительно, что мы, не зная вас, считаем за шпиона.

– Ничего не говорю, одежда священника меня защищает.

– А что же свидетельствует, что и она не надета только для вида?

Ксендз возмутился.

– Кто бы посмел её себе присвоить? – воскликнул он. – Разве что, кто Бога в сердце не имеет?

– Есть на свете и такие, которые в сердце Его не имеют, – доложил Мерхейм. – Поэтому, преподобный отец, для очищения вас от этого нужно что-то больше, чем пустое слово.

– Слово священника, большего ничего не имею, – тихо прошептал старик.

Они помолчали.

Лицо Мерхейма постепенно становилось всё более суровым.

– Давно вы ту сестру видели? – спросил он.

– Так давно, – грустно улыбнувшись, отозвался старик, – что она может не узнать меня, а я её.

Казначей покачал головой.

– На удивление плохо для вас вещи складываются, – сказал он. – Мне очень жаль. Я бы рад вам помочь, да не нахожу способа. Но послушайте, что было бы плохого в том, если бы вы вашему королю послужить хотели? Это можно предоставить... а одновременно... послужить Королю Небесному, который является господином всех нас... ту службу оставив.

Они посмотрели друг на друга. Старичок, казалось, не понимает уклончивой речи, либо не хотел понять, чего от него требуют.

– Я никогда не лгал, – отозвался он после раздумья, – и никогда Господу Христу нашему служить не прекращал. На что я сдался королю Ягайло? Я старый, молюсь и семью ищу, чтобы перед смертью попроситься.

Казначей заколебался, встал, провёл рукой по лбу, потом потёр руки.

– Преподобный отец, мне было бы очень больно, когда бы от вас ничего по-хорошему узнать не смог. Великий магистр – человек справедливый, но грозный и суровый, что если он попытается вас прикажет? Вы не вынесите.

– Это верно! – вздохнул старик и замолк.

– Поэтому лучше рассказать правду и послужить Ордену, который своим слугам по-королевски платить умеет.

– Я сказал правду и говорю её, а служба моя разве что Богу полезна: людям они не много платят.

Казначей по-прежнему прохаживался.

– Итак, госпожа Носкова ваша сестра? Сестра? – спросил он.

– Если её зовут Барбара и она родом из Силезии... Где живёт? В Торунни?

– В Торунни, и живётся ей совсем счастливо, но на вас, мой отец, вовсе непохожа, так как душой Ордену предана.

– Значит, поручитесь за меня, – сказал ксендз.

– А как она, столько лет вас не видевшая, доказать сможет? Не могли же вы не измениться с того времени? Вы не знаете, как её найдёте, она тоже не знает, чем вы стали.

– Люди так не меняются.

– Хуже Луны! – засмеялся Мерхейм. – Вы не имеете другого средства, отче, следует либо признать всё, либо... мне очень вас жаль...

Оперевшись на руку, не ответил старик ни слова; казалось, что он молится.

– Простите меня! – едва слышно сказал казначей. – Я должен вас проводить, куда мне приказано...

Старик поискал посох, прислоненный к стене, надел свою торебку на плечи, шапочку на голову и стоял, готовый к выходу. Его белые руки, исхудалые, дрожали от усталости, оперевшись на посох. Искоса смерил его глазами казначей и зашагал к двери.

Между двумя железными дверями, ведущими в каземат Витольда, стояли двое кнехтов с алебардами в руках, с мечами у пояса, в плащах с полукрестами.

Не говоря им ничего, посмотрел только казначей и рукой указал им идти налево, куда и сам пошёл впереди. Выходящего старичка двое прислужников взяли под конвой. Вместо того чтобы выйти из здания по лестнице, Мерхейм пустился длинной сводчатой подземной галереей, кое-где с левой стороны осветлённой маленькими решётчатыми окошками.

Несколько раз он и идущий за ним повернули направо и налево по тёмным переходам, пока не дошли до обитой двери, от которой открытый железный затвор лежал у стены. На углублённой в толстую стену двери был подвешен чёрный крест.

Когда она отворилась, казначей к ней приблизился; перед ними показалось огромное сводчатое помещение, поддерживаемое двумя мощными столбами, которые делили его на две части. Напротив входа огромный длинный стол, покрытый чёрным сукном, выглядел, как катафалк. На нём стояло большое распятие, а вокруг сидело несколько человек в рыцарской одежде. Один из них, безбородый, духовного сана, служил им писарем и толстая книга лежала перед ним.

Слева две лестницы сходили в другую часть залы, расположенную ниже и отделённую столбами, между которыми стояли чёрные брусья.

Ксендз даже не отвратил своего взгляда с той стороны, смотря на тот трибунал, представший перед ним, а мог бы испугаться в душе, когда туда упал его взгляд... За распахнутым занавесом пониже был виден огонь, горевший в широкой печи, в которой нагревались щипцы и железные прутья. Рядом с ними стояло несколько человек с засученными рукавами, сильных, плечистых, с неистовыми лицами. На земле лежали толстые канаты и верёвки, дальше стояло как бы деревянное ложе из удивительно ровных срубов и табурет, напоминающий деревянную лошадь.

Со свода свисали канаты с колёсами. Различный инвентарь, неподходящий для описания, лежал во всех углах этой страшной комнаты, задымлённой, тёмной, выглядящей какой-то адской камерой.

Прислужники действительно имели лица сатаны: низкие лбы, глубоко посаженные глаза и улыбки существ, которые наслаждаются, когда могут мучить и насмехаться.

Не обязательно было долго смотреть, чтобы по этим приготовлениям догадаться о пытке, без которой почти никакой трибунал в те времена не обходился.

Казначей сел на скамью сбоку, словно равнодушный свидетель. Главное место занимал человек старый, сгорбленный, в шапочке, натянутой на уши, с впалыми губами. Он приложил руку к глазам и, прежде чем заговорил, долго всматриваясь в старца. Потом поправил стоящее распятие и повернул его Христовым лицом к прибывшему, который стоял, опираясь на посох. В эти минуты человек духовного звания тихим и полным сладости голосом приступил к допросу. Старик отвечал спокойно, по-прежнему опираясь на посох и вытягивая иногда больную ногу. Фамилия, возраст, положение, причина путешествия; он отвечал то же, как перед другими. В зале царил тишина и, кроме его голоса, потрескивания огня в комнате, шелеста одежды, когда люди двигались, ничего не было слышно.

– Чего вы от меня хотите? – наконец отозвался он. – Почему подозреваете священника и старца? Вот изображение Спасителя, могу перед ним дать клятву, что я невиновен. Ничьим шпионом я не был, никто меня не посылал, с молитвой только шёл.

Судьи переглянулись.

– На ком висит подозрение, что плохое делает, тот и плохую клятву может дать, – сказал старый судья. – Я вас заклинаю говорить правду и не принуждайте нас к тому, от чего у вас тело, а у нас душа будет болеть.

Рукой он указал на нижнюю залу. Священник медленно обратил на неё взгляд, но не уступил: оставил его на людей и орудия пыток и долго смотрел.

Прислужники немного дотронулись, железо, как будто для устрашения, затрещало; старший из них вынул раскалённый железный прут из огня и бросил его на камни, аж искры кругом посыпались. Все молчали.

– Говорите, – изрёк судья.

– Ничего поведать в свою защиту не могу.

Судья рукой позвал прислужников и они двинулись по лестнице к верхней зале, как будто собираясь приступить к старичку: он стоял неподвижный. Казначей поднялся со лавки.

– Прошу за него, – сказал он. – Дайте ему время на благоразумие и лучшее размышление.

– Пожалуй, для молитвы и исповеди, – добавил ксендз.

Прислужники задержались на лестнице.

Обвиняемый обернулся к сидящему духовному лицу, который держал перо.

– Об исповеди прошу.

Тот покачал головой. Судьи переглянулись, удивлённые великим спокойствием старца. Казалось, он молится и думает только о душе.

– Данная вам минута заканчивается, – пробормотал старый судья, дрожащей рукой указывая на песочные часы, стоящие на столе, в которых медленно сыпался песок.

Ответа не было. Мерхейм подошёл к ксендзу и живо начал емя что-то шептать на ухо. Старик стоял с опущенными в землю глазами и не отвечал уже ничего.

Ждали ещё. Один из сидящих перевернул песочные часы. Судьи, казалось, имели различные мнения и были неуверены. Старший из них поглядел на Мерхейма, который, пожав плечами, вернулся на своё место.

– Последний раз, во имя Христа призываю вас к признанию правды, – сказал старик из-за стола.

– Я её уже сказал, – равнодушно выкинул ксендз.

Была ещё минутка ожидания, после чего судья указал из-за стола рукой прислужникам. Они с всё угрожающей поспешностью двинулись к обвиняемому, который ждал их, неподвижный. Схватенного за руки, из которых посох выпал на пол, повлекли его к лестницам. Он совсем не отпирался, не смотрел на судей, и не просил о милости.

Его стащили вниз и тут старший начал с него сдирать верхнюю одежду. Под ней на теле оказалась власяница и колючий пояс, который охватывал его талию, сжимая и так уже истощённого возрастом и усталостью старца. При виде этих добровольных орудий пыток прислужники задержались; судьи начали шептаться: какое-то опасение их охватило. Казначей живо что-то промолвил на ухо судье. Тогда через входные двери вбежал молодой человек в орденской одежде, который вчера в госпитале прислуживал путешественнику. Он весь, казалось, горел, и был взволнован опасением; взгляд сначала перевёл в левую сторону, где раздевали ксендза, и, уверенный, что пытка ещё не началась, кинулся перед судьёй на колени.

– Я пришёл на свидетельство, – воскликнул он вдруг. – Я знаю с детства отца Яна, я смотрел на него и его жизнь... он святой человек! Не допускайте насилия над ним... одна капля этой невинной крови на чаше весов Божьих, я готов присягнуть, пойти на пытку за него.

Он молвил, как бы наполовину находясь в бессознательном состоянии, с лихорадочной поспешностью, всё время оглядываясь то на ксендза, то на судей и от страха дрожа.

– Это человек от Бога и целиком отданный молитве, как же он может думать о предательстве, служить державам земным!

– Тем не менее он служил! – воскликнул казначей. – Сам это признал.

– И в этом есть правда, – молвил брат, – но невинная, а сказал это святой, потому что никогда в жизни уст ложью не осквернил.

Сложивши руки как для молитвы, брат стоял на коленях. Из нижней залы на него смотрел старец, ещё будучи в руках палачей, и у него текли слёзы: он поднял немного пальцы, благословляя издали своего защитника.

По лицу Мерхейма и сидящих у трибунала было видно, что это сообщение оставило неприятный осадок и не ко времени пришло. Они посоветовались.

Потом казначей кивнул прислужникам, дабы они отпустили ксендза. Один из них поднял с земли сброшенные одежды, которые старичок, дрожа, надевал снова.

– До завтра! – воскликнул торжественно судья. – Отведите его в тюрьму.

– Позвольте мне, чтобы я с ним шёл? – сказал брат.

Требование казалось странным. Ничего не ответив, казначей сделал знак брату, чтобы он отошёл к дверям.

Выпущенный из рук мучителей, ксендз тяжело взобрался по лестнице до верхней залы и опустился на колени, дабы поднять посох, лежащий на полу.

Двое кнехтов собирались его отвести, когда к нему приблизился Мерхейм.

– У вас есть время... Орден милосерден, как и подобает монахам... вы должны быть благодарны ему.

Взволнованный старец не мог, или не хотел ничего отвечать. Подвели его уже к двери, затем казначей движением руки отпустил кнехтов.

– Идите со мной, – сказал он, – не в тюрьму, но чтобы вы отдохнули. Мы хотим верить, что вы невиновны, и верим, что вы будете нам способствовать. Ваша сестра в Торунь, вы поедете к ней с охраной. Чего же ещё вы желаете?

Ксендз опустил голову.

Стоящему ещё в дверях брату, защитнику, передал его казначей, прошептав ему что-то на ухо. Довольный парень подал старцу руку и с сыновним почтением и любовью медленно коридорами вышел с ним на дневной свет.

Двор, как и вчера, был переполнен и, возможно, был ещё шумней. Осёдланные лошади ждали монахов и рыцарей, отъезжающих в Швецин, Тухол, Балгу, Торунь и Эльблонг. Толпа слуг крутилась возле них. Выкатывали пушки и из телег ссыпали каменные ядра. Из костёла слышались благочестивые песнопения, колокола били на башнях, а летнее солнце во всём блеске освещало эту оживлённую картину.

Около инфирмерии брат задержался, чтобы получить ключ от отдельной кельи, в которую собирался проводить старичка.

Они снова вступили в сводчатые коридоры, а из них в помещение. Из него открывался вид на широкую зелёную околицу у Ногата. Келья была просторной и имела всё, что пилигриму могло понадобиться. Парень отворил окно, быстро бегая, придвинул стулья, схватил кувшин, чтобы воды принести, посадил ксендза и, радостно ему улыбаясь, выбежал для дальнейшего служения. Старик поблагодарил его рукой и глазами; несмотря на душевную силу, был он побитым и измученным, говорить ему было тяжело. Ослаб он также от того, что ничего не ел со вчерашнего дня и первой каплей воды здесь лишь увлажнив уста. Обратил он свой взор в окно на весёлый край, на плодородные луга, на далёкие поселения... может, подумал, что с ними сделает война и пожарище, и глаза его увлажнились слезами.

После той негостеприимной ночи наступил другой приём, как бы для того чтобы стереть её из памяти. Брат-лазарит торопился с полевкой, нёс кушанья, нашёл кубок вина, чтобы едой оживить старца. На это привыкшему к скромной жизни не много было нужно. Ещё миски стояли на столике перед ним, когда вошёл казначей с более весёлым лицом.

– Отец мой, – сказал он, – вы хотели ехать к сестре в Торунь. Экипаж для вас приготовлен, я тоже туда еду. Всё ведь по вашей воле. Не держите на нас зла, времена тяжёлые, судьба Ордена зависит от этих часов, когда имеют значения военные приготовления; мы не для своей выгоды, а для дела христианства трудимся и заботимся.

– Бог благому делу поможет, – ответил старик, – а вам вашу жалость к возрасту и несчастьям оплатит.

– Итак, в путь! – прибавил казначей. – Я на коня скоро сяду, вы – в экипаж.

Эта внезапная смена в отношениях была бы труднообъяснима, если бы не странное стечение обстоятельств, которые делали старичка нужным Ордену.

Мерхейм, уже наполовину одетый по-дорожному, постучал в келью магистра. Его тотчас впустили.

Ульрих как раз отправлял комтура Грудзяцкого, который возвращался в крепость, когда казначей встал у порога.

После его ухода они остались вдвоём. Магистр хмуро поглядел на улыбающегося Мерхейма.

– Я еду в Торунь, – сказал с поспешностью казначей. – Покровители Ордена следят за ним, всё складывается наиболее благоприятно, даже то, что нам опасным казалось. Старый ксендз, который нам подозрительным выдался, когда его на пытки вызвали, нашёл свидетеля и защитника, невинным кажется. Что странно, то что он является братом особы, – добавил Мерхейм, – которую я думаю подослать к королю, чтобы его слабую голову обратила на другое. Ксендз мне полезен, чтобы сопровождал её в путешествии и от нападения защитил. Он не изменит нам, ибо о Боге и Небе думает, власяницу носит и кольчатым ремнём опоясан. Он тоже ничего знать не будет. Выбранная женщина не его сестрой, но сатаны быть бы могла... могла... Тем лучше.

Мерхейм смеялся, магистр, казалось, не очень хорошо понял, даже... пожал плечами.

– Это ваше дело, брат, – сказал он. – Помните только, что чрезмерная хитрость не оправдывает надежд.

– Когда её Бог не благославит, – добавил казначей, – а я на Его помощь рассчитываю.

– И я также, – вздохнул магистр, – а это – самая надёжная наша защита и прикрытие! Если бы вы не использовали женщин в стократ было бы лучше, – прошептал Ульрих.

– И яд лекарством может стать, – закончил, склоняя голову, казначей.

– Аминь, – поставил точку магистр. – Езжайте с Богом!

– С Богом оставайтесь!

Вскоре затем кортеж, составленный из нескольких тевтонцев, сопровождающих Мерхейма, выступил из ворот Мальборгского замка, а в центре его ехал экипаж, в котором сидел старичок, читая молитву.

Уже в начале XV века Торунь считался одним из самых красивых городов Пруссии, счастливым и благоприятным своим местоположением. Тянущиеся стены его замка, множество кирпичных красных домиков, что к нему прилегали и окружали его (окраска которых у нас потом вошла в поговорку), покрывали красивый берег реки, уже в это время засаженный привезёнными из Еермании виноградниками и весёлыми садами. Между ними выглядывали небольшие усадьбы мещан, а сама укреплённая крепость с башнями костёлов представлялась великолепной. Это старое польское поселение под господством немецкого ордена действительно приобрело немецкую физиогномию, но часть её населения и мещанства даже характера своего первичного не потеряла.

В тогдашнем замке, который числился в наиболее важных защитных крепостях, пребывали часто и великие магистры, и великие сановники Ордена.

Тут проходили военные совещания, тут сосредотачивали силы к обороне, угрожая больше других земле Хелминской.

Торговля и ремёсла также процветали, а новых немецких поселенцев со всех сторон много тянулось и оседало. Любили тут рыцари Ордена останавливаться в замке для отдыха, потому что, хоть более близкое общение с людьми, а особенно прекраснейшей половиной рода человеческого, самым строгим уставом Ордена было запрещено, так, что даже разговор с женщиной за проступок должен был считаться, уже в это время не следовали так строго старинному орденскому уставу, а по тевтонским фермам и госпиталям было полно так называемых

орденских полусестёр, в белых монашеских одеяниях с полукрестом (Т) на плече, чьё положение было недостаточно определено между полубратьями и братьями. По городам же особо не следили за строгостью отношений старшин, которые делали что хотели.

Тевтонское духовенство позволяло себе порой роптать на загрязнение обычаев, но это скорее относилось к кнехтам и службе, чем к рыцарям, которые здесь были господами, а священникам и вовсе мало свободы давали и мало оказывали уважения.

Хоть сами монахами назывались, крестоносцы обходились со своим духовенством сурово. Священники имели очень скромное положение духовных отцов, редко их допускали до совещаний, ещё реже до тайной и наиболее важной деятельности Ордена. Монастырям же других уставов под господством Ордена совсем невезло: подозрительно на них смотрели. Особенно имущество и собственность приобретать и принимать по завещанию вовсе было запрещено. Несколько домов доминиканцев и францисканцев, довольно бедных, едва можно было насчитать в завоёванных землях: ютились они из покорности в городах.

Правила Ордена, изначально очень строгие, во время походов и непрерывных войн, при наплыве светских гостей совсем было распряглись. Из домов мирное время вызывает на хоры; но мало кто ходил на общую молитву, каждый находил какое-нибудь занятие, лишь бы от обязательств уклониться.

Смотрели сквозь пальцы на то, когда рыцарь хорошего коня держал, снаряжение имел в порядке, а в экспедициях выделялся мужеством и хитростью. Также сквозь пальцы смотрели на посещающих дома господ мещан, хотя бы и в вечернее время. Ведь трудно было в хорошем солдате иметь хорошего монаха.

Рынок города Торуня выглядел уже очень достойно, а фронтоны его камениц из красивых кирпичей, правильно воздвигнутые, выглядели почти как небольшие готические костёлы. Одной из самых первых была в те времена каменица, называемая «Под оленем», потому что имела над дверью, в дверной раме из серого камня, довольно неправильно вырезанную голову оленя с двумя рогами. Жила в этом доме и вела свою торговлю вдова, пани Носкова, богатая торговка, с единственной дочкой – обе женщины красивые и хорошо принятые в обществе, хотя чужаки разное о них говорили.

Сама пани Барбара могла иметь в это время лет сорок, но когда в золотистой чёлке, украшенной жемчугами, в диадемах и браслетах, в полушубке из сони или куницы шла в костёл, никто бы ей больше тридцати не дал – так свежо и привлекательно она выглядела. Некоторая полнота совсем её не портила, потому что белой была, как алебастр, и румяной, как роза, а с лица даже свежий пушок молодости, казалось, ещё не стёрся.

Зубки как жемчужинки, носик малюсенький, чуть задранный, волосы золотистые и пышные, ручки белые, пухлые – всё это делало её дивно привлекательной для мужских глаз. Когда она шла по рынку, от самого молодого до самого старого все взглядом гнались за ней. А она, хоть и была только торговкой и мещанкой, держалась высоко, как если бы была знатной пани, с поднятой головой, смелым взглядом, и не давала никому сбить себя с пути, потому что и в голове не было плохого.

Её даже не смел никто спрашивать, где и с кем она была. И почему звалась вдовой. Хотя того мужа никто не помнил и не мог ничего о нём поведать. Вероятно, и этот покойник должен был, по мнению людей, придерживаться образа жизни, который жена приняла в наследство, потому что пользовалась высокими протекциями; её почитали все: никто обидеть не смел.

Как-то лет десять назад, когда некий Шпот, её сосед через стену, плохо обошёлся с пани Носковой, а дошло даже до магистрата и закона, должен был потом униженно извиняться, потому что его едва не изгнали из города.

Известно также о вдове, что та была очень состоятельной и сидела на золоте, а то, что рассказывали о её богатствах, почти переходило в веру. Не было дома более богатого и лучше обставленного.

Хотя пани Носкова была ещё совсем красивой, и когда бы пальцем только поманила, сватались бы к ней люди без меры: купцы, бургомистры и судьи; однако ничем была её красота рядом с дочкой, которая довольно обычное в то время ласковое имя Офки носила. Похожая на мать как две капли воды, она превосходила её во сто крат свежестью, очарованием и весёлостью пташек. Та же самая белизна лица и румянец, тот же самый маленький носик, немного задранный, губки из коралла и жемчужные зубки, но, как куколка из коробки, выглядела веселее и ясно. Мать, хотя и любила радость, умела сохранять серьёзность; Офка о том и не думала, была живой, ветренной, испорченной ласками и избалованной роскошью.

Мать справиться с ней не могла, а так как её одну имела и сильно любила, видно, не очень ругала, и девушка выросла непослушной. Все городские сплетни она знала первой, она знала всех и её все знали; не боялась кого-нибудь зацепить, а её острого языка боялись даже старшие кумушки и серьёзные люди. Всё ей тем не менее ради материнских сундуков и ради её сияющей красоты сходило с рук.

Девушка никогда не умела и минуты усидеть на месте. Если не стояла в дверях и не было её в сенях, то, конечно, выглядывала в окно, а если бы её мать его перед ней закрыла, нашла бы способ хоть на крышу взобраться или за пределами садовой стены на людей смотреть и чем-нибудь их задеть. Мать, может, сперва была слишком потекающая, но потом не раз почти со слезами говорила, что её уж и приковать было бы напрасно, потому что вырвалась бы и настояла на своём.

Это было легкомысленное, ветренное, смеющееся, кокетливое, покоее, подвижное и чрезвычайно хитрое создание. Она знала гораздо больше матери, которая, как другие женщины в это время, никогда читать не училась, и хоть с бумагой она не имела никогда дела, говорила по-немецки, как немка, и это на всех диалектах, какие встречались на землях крестоносцев; говорила по-польски, благодаря няньке выучила литовский, а были такие, которые утверждали, что, когда намеренно по-латыни говорить начали, дабы от неё скрыть, она и латинский понимала.

Что её головка однажды услышала, навеки в ней увязало. Также она имела большую скорость в познании людей, так что, посмотревши в глаза человеку, скоро знала, как с ним говорить и как с ним обходиться. Сначала молодёжь к богатой Носковой толпой залетала, через мать, через знакомых рекомендовали себя беспрестанно люди; но ребёнок капризный и уверенный в себе забавлялся с каждым, как кот с мышью, а в завершении царапал зубками или коготками. Затем ухажёры, жалуясь, повесив уши, шли прочь, а девушка смеялась. Эта девочка была настоящим бесёнком.

Когда кто поважней являлся в дом: пожилой человек, барон, князь, в которых не было тогда недостатка, потому что их Германия в тевтонскую гостиницу поставляла, Офка умела изменить себя, что узнать её было трудно: соорудить минку, спокойно сидеть, серьёзно говорить, удерживать в себе смех, опускать глаза, так что её принимали за робкую и наивную.

Ей ничего не стоило в один час быть четырёхкратно и легкомысленной, и набожной, и шаловливой, и невинной девушкой.

Дом пани Носковой посещало множество людей, отчасти это из-за её торговли – потому что держала заморские товары, вина, специи, сахар и то, что для кухни и винных погребов было необходимо (у неё также запасы для Мальборга и других домов были сделаны) – отчасти из-за её великого гостеприимства и связей с иными странами. А когда кто хотел письма послать или приказ, либо отправить деньги, через Носкову было значительно легче и наиболее безопасно это сделать. Также сам В., казначей Ордена, часто использовал её посредничество. Вдова письмо и счёт будто бы не понимала, но память имела особенную и разум быстрый. Она сама управляла всем с помощью одного старого домочадца, который звался Вольфем, а был он человек седой, сторбленный, и тёплой шапки из-за лысой головы никогда не снимал, даже в костёле. Кроме каменицы у рынка, имелись примыкающие к ней большие магазины, где

всегда вин, специй и всякой заморщины было полно, а бочки и бутылки стояли как броги. Там шафран, который в другом месте взвешивали щипотками, лежал камнями в магазине.

А когда Носкова принимала у себя, то не по-мещански, а почти по-княжески. Птичьего молока только не хватало. Когда приглашала гостей, должна была быть музыка и самые остроумные комические актёры из города и фигляры, и шуты, дабы развлекали компанию. В эти времена также был такой обычай и в усадьбах, что пиры, роскошные приёмы и тому подобное веселье без шутов обойтись не могли. Шутовское ремесло было таким же приличным, как и другие. Каждый город имел своих актёров, заказывал их на собрания, поил, кормил и без платы они не уходили, а часто и жертвования вымогали у гостей. Обед без шутов вкусным и полным не был, скорее, обошёлся бы без жаркого.

На самом деле пани Барбара не устраивала часто таких дорогих приёмов, но, когда до этого доходило, люди знали, что это у неё значило.

Тогда выставляли серебро вместо олова, венецианские стёкла и самые лучшие глиняные миски – шафрана, имбиря, гвоздики не жалели, так, что на улице их было слышно. Нагретое вино с сахаром и приправами пьянило так, что душа радовалась...

Не удивительно, что о такой вдове, которая, не выходя замуж, умела со всем справляться и без чьей-нибудь помощи обходилась, ревнивые люди плели невероятные истории: она о них либо не думала, либо не заботилась о них. Говорили также разное об Офке: ни она, ни мать головы этим себе не забивали.

Только раз, когда приятель пана Шпота начал слишком язык распускать, неизвестно кто направил четырёх прислужников с палками, ночью на улице на него напали и сильно избили, повторяя: «Держи язык за зубами, если хочешь быть целым». Тех, кто были, никто потом никогда выследить не мог, а следы от ударов на спине этого друга пропали. Он должен был их пару недель смазывать, пока не зажили, и в дальнейшем, осторожный, он молчал.

Когда начали собираться на войну, конец которой всегда трудно предвидеть, осторожная пани Носкова сразу, по-видимому, свои бочонки с золотом и серебром отдала в темницу замка на хранение, потому что и у В., орденского казначея, и у комтура, недавно избранного, Иоганна фон Сайна, она была в великой милости.

Хотя комтуры в замке часто менялись, все в дальнейшем имели большое уважение у пани Носковой.

Другие сановники также, прибывая в Торунь для орденских дел, часто гостили в её доме, и в этом не было ничего удивительного, так как она кухонные и подвальные запасы импортировала, а через неё также отправлялись и деньги за границу, многие были из казначейских счетов.

Вскоре после своего приезда в замок казначей Мерхейм, оставив карету в стенах замка, сам под вечер пошёл в каменицу «Под оленем».

Неприятную и некрасивую физиономию сделала Офка, которая, по своему обыкновению, в дверях подстерегала прохожих, увидев его, и хлопнув в ладоши, побежала к матери. Она бросила ей только слово:

– Казначей тащится!!

Сама же как можно быстрее побежала приукраситься. Хоть крестоносец был старый, некрасивый и отвратительный, а вдобавок и монах, девушка даже перед ним хотела предстать во всей своей красе.

Мать, вскочив со стула, также пошла к зеркальцу причесать волосы, поправить жабо. Потом, достав из выдвижного ящика цепочку, надела её себе на шею. Затем села на стул с подставкой для ног и ждала его в парадной комнате.

Она могла называться парадной, потому что, действительно, была отлично убранной. Свод, изрисованный зелёными ветвями, золочёными гроздьями и фигурами святых, поднимался над комнатой, изогнутый в стройные арки. Стены покрывали узорчатые занавеси, а где их не было, стояли шкафы из дерева, искусной работы, на них кувшины и посуда серебряная,

позолоченная, деревянная и каменная. Стол посередине был накрыт смирнским ковром, шка- тулками из янтаря и эбенового дерева, а также разными женскими игрушечками, среди кото- рых маленькая прялка из розового дерева стояла для наматывания шёлка или для напомина- ния, что комната была женской.

От свода спускался латунный паук, светящийся, изогнутый, весь украшенный цветами и ветвями.

Всюду, куда падал взгляд, что-то красивое и дорогостоящее находили глаза для радости. Сквозь открытые наполовину двери также была видна спальня с кроватью и красочными пор- тьерами, при ней латунные миски для умывания, лейки и кружки лучшей работы.

Едва пани Носкова села, пригладив волосы и поправив цепь, когда дверь отворилась и вошёл казначей, осматриваясь вокруг. На его приветствие вдова встала с почтением и, при- гласив его на своё место, сама на более низком табурете оказалась, не раньше, чем он ей его указал. Она очаровательно улыбалась омерзительному монаху, который тоже то улыбался ей, то хмурился и размышлял, словно ему нелегко было перейти к слову. Его глаза между тем бегали вокруг.

– Что же ваша милость нам принесли? – мило сказала вдова. – Мир или войну? Здесь у нас люди, что день, то говорят иначе, а имеются такие, которые клянутся, что король Ягайло уже с войсками на границе стоит.

– Не нужно ни людей пугать, ни переполохи сеять, славная пани Барбара, – отозвался монах, – а где сейчас король, мы не знаем, а что идёт к нам – это точно, война вскоре немину- ема, но Орден ничего не боится. Орден – сильный!

Носкова ударила в ладоши и, с сомнением покрутя головой, немного помолчала. – Для нас война, – сказала она, – страшное слово! Для солдата – весёлое, торговцу – грозное. Что мы предпримем?

Не ответив прямо на это, казначей глазами повёл по комнате, посмотрел на спальню и переднюю.

– А где Офка? – спросил он тихо, прищуривая глаза. – Её тут нет? Потому что эта любо- пытная белка, готовая где-нибудь в углах спрятаться, а у нас есть с вами, моя пани, разные вещи для долгого разговора, о чём ей не обязательно знать.

Услышав это, пошла пани Носкова довольно лёгкой стопой, несмотря на полноту, осмот- реть самой все углы, потому что за дочку ручатся не смела, а, вернее, могла, пожалуй, ручатся, что, когда представится возможность, устроит выходку, а когда услышит шёпот, подкрадётся и подслушает.

– Нет, её ещё нет, – отозвалась она, улыбаясь и садясь напротив казначея, – но только что-то не видать: наверное, укладывает волосы!

– Воспользуемся этим и поговорим, сударыня, – изрёк, поклонившись, казначей. – Не нужно вас спрашивать о хорошем отношении к вам Ордена? Мы уверены, что вы служите ему верно, как сестра, и служить будете дальше.

– Однако и клятвой, и благодеянием связана, – воскликнула Носкова.

– Поэтому у нас с вами секретов нет, мы доверяем вам, и, когда нужно, мы идём непо- средственно к вам, как сестре, говоря: необходимо сделать это...

– Приказывайте, милостивый господин! Приказывайте, лишь бы сил хватило.

Вдова испытующе смотрела на страшного монаха, который всё улыбался ей жёлтыми зубами и синими губами.

Он уже собирался начать дальше говорить, когда из других дверей показалась Офка, наряженная, как для костёла в праздничный день: распущенные волосы, от которых расходился аромат дамасского розового масла, зелёный веноч на голове, в белых руках она несла серебря- ную миску, а на ней свежие и сушёные фрукты, бутылка вина и кубок.

Шла прекрасная кравчая, зная, что ей это к лицу, приклоняя головку, складывая губки, выставляя идеальные руки все в кольцах и браслетах, показывая ножку из под платья, обутую в синие башмачки со шнуровкой и золотыми ветками. Шёлковое платье на ней складывалось пристёгнутым в светящиеся фалды поясом, а на шейке передвигались цепочки, кораллы, и янтари. Покачала головкой, словно ей мешали волосы, но на самом деле, чтобы шейку ту белую лучше на восхищение свету открыть. Кораллы, цепочки и янтари служили только, чтобы слоновая кость той точной шейки казалась более ясной.

Казначей, увидев её, в немом изумлении какое-то время смотрел на девушку, не в силах оторвать от неё глаз. Она подошла к столу, делая низайший поклон; затем выпрямилась и те дары подала монаху с улыбкой.

Мать тем временем, взяв со стороны маленький столик, сама перед Мерхеймом его поставила; на нём спокойно поместили поднос, чтобы крестоносец распорядился, как хотел. Известно наверняка, что сладости он любил.

Однако сначала он больше осматривал Офку, чем фрукты, и, рукой машинально потянувшись к бутылке, держал её неподвижно. Осматривал до избытка интереса эту недавно расцветшую розочку, которая, чувствуя его взгляд, от радости и гордости горела и улыбалась.

– Королевский кусочек! – шепнул он едва слышным голосом, а скорее, пробормотал, казначей.

Затем ей мать что-то шепнула на ухо; Офка ещё раз грациозно поклонилась и как птичка улетела.

Монах сидел задумчивый.

«Чего такая женщина, если бы ум имела, достичь не сможет?» – пробормотал он сам себе.

– Пани Барбара! – сказал он громче. – Пришло наконец время, когда вы можете отблагодарить Орден за опеку... послушайте меня. Во время войны женщины могут многое, потому что на них никто не смотрит...

Носкова зарумянилась.

– Я вас слушаю, – сказала она.

– Что вы будете делать для Ордена, – продолжал казначей, – то вам зачтётся у Бога и у него. Время сейчас необычное и необходимо прибегнуть к необычным способам.

Монах наклонился почти до уха красивой вдовки, которая слушала с напряжённым вниманием и сверкающими глазами.

– Пани сестра! – сказал он, заслоняясь рукой. – Мы должны в Польшу отослать важные письма... У нас нет того, кому можно их поручить, мужчин грабят и вешают, трудно даже нищему туда пробраться.

Для этого нам нужны женщины. Понимаете?

– И вы хотите меня с письмами отправить в Польшу? – прервала Носкова, невольно заломив руки.

– Нет причин тревожиться! – молвил Мерхейм. – Во-первых, вы будете иметь охранный лист, потом – вы женщина, далее, ваше неумолимое обаяние, которое обезоруживает людей, потом – ваша ловкость... наконец, у вас будет хороший проводник, о котором я вам расскажу позднее.

Вдова напряжённо посмотрела ему в глаза.

– Справлюсь ли я с этим?

– Кто же, если не вы? Слушайте меня, потому что речь о великих вещах. С хитрыми людьми нужно хитро начинать. Оружие оружием, а голова ещё больше него значит... Нам необходимо знать о передвижениях неприятеля, иметь там кого-то своего... Ваша поездка никому удивительной не покажется: вы польского рода, к своим возвращаетесь. «Почему сей-час?» – кто-нибудь спросит. – А ну, вещь ясная! Исход войны неопределён, вдруг вторгнутся дикари

Витольда под Торунь, в Торунь. Вы не хотите дочку и себя на милость татарскую отдавать, вы желаете спокойно в Польше пересидеть бурю.

Он улыбался.

– Не правда ли? Или ж не поверит тут каждый легко, что вы эту прелестную ягодку хотите в безопасном месте иметь? Что странного в том, при каком дворе вы найдёте себе там приют?

– При каком же дворе? – спросила заинтересованно Носкова.

– При княжеском. У Мазовецких! – Под опекой княгини Александры Ольгердовны, – добавил, усмехаясь, казначей. – Ведь место хорошее? Там обо всём вы будете знать, а оттуда нам доносить.

– Сама я не жалею, – сказала Носкова, – с Офкой беда. О! С этой девушкой и сидеть трудно и ехать небезопасно. Каждому на глаза попадает, и самовольная: что ей в голову придёт, то сделать готова.

– Гм! Гм! – едва слышно произнёс казначей. – А ну, её тоже использовать можно, только бы суметь! Она из сердца каждого добудет тайну. Перед ней запел бы человек про смертный грех. Одна такая Офка на свете. И разум у неё не отсутствует.

– Если бы столько степенности имела! – вздохнула мать. – Но это огонь и сера.

– Других она спалит, – сказал, смеясь, казначей, – а ей ничего не будет. Я за неё не боюсь и вы не должны бояться, скорее за тех, что с ней встретятся.

Носкова, опёршись на руки, молча размышляла.

– Тяжёлое дело, тяжёлое!

– А что же лёгкого, когда много стоит. Золото тоже тяжёлое, потому что дорогое. Послушайте меня хорошо. Письма у нас срочные, важные для Ордена: никому мы их не поручим, кроме вас.

– Далеко ли вести их?

– В Мазовию, – ответил Мерхейм, – к Ягайловой сестре, которая к нам из всей родни больше расположена, хотя не всегда это показать может. Вы отдадите ей письма, а сами останетесь на дворе.

Говоря это, он налил себе вина в кубок, и, поднимая его, воскликнул:

– Ваше здоровье, пани Барбара! Здоровье ваше и прекрасного цветка, который вы вырастили: пусть цветёт на вашу радость. Ваше здоровье, пани сестра!

Носкова низко поклонилась, немного смущённая. Было понятно, что отказать она не смела, а путешествие ей не очень было по вкусу. Что же ей было делать?

– Дай только Боже, чтобы нам удалось пройти счастливо, – сказала она, – в такое военное время; две бабы, где скопление чужих солдат, а они люди, что жизнь ни чтут, ни уважают.

– Вы не будите одни. Сейчас о проводнике, о духовном муже... мы поговорим, а для охраны всё-таки двадцать вооружённых воинов с охранной грамотой это даже более чем.

– Откуда же их взять? – воскликнула Носкова. – Сейчас и с людьми трудно.

– Найдутся, найдутся! – молвил, смеясь, Мерхейм. – У нас в замках легко наберётся таких незаметных и мудрых парней; плащи побросают, серые кубраки наденут, с поляками по-литовски говорить будут и на крестоносцев «собак вешать». И в чем же потом вы виноваты, когда они, презренные, по одному сбегать к нам начнут и приносить от вас тихо слово?

Он начал смеяться, смотря на Носкову.

– Война, сестра моя, – молвил он, – имеет свои правила, нам следует знать обо всём, даже как король спит и не приснился ли ему его Перун. А тем временем на дворе княгини Александры будет сестре как в раю, за это великий магистр ручается, и я... Кто же знает, какому князю Офка приглянется. Почему нет? Не так ли?

– А что мне до этого? Хоть бы я за ней кубышку золота дала, и то её не возьмут к алтарю, – воскликнула Носкова.

– Э! С кубышкой золота, сестра моя, они берут и не такие розовые цветочки, как она. Через Офку ты сможешь знать всё, что захочешь, через неё сможешь выйти хотя бы до короля. А! Если бы она язычнику голову заморочила...

– Этого ни себе, ни ей не желаю, – сказала Носкова, – попасть на людскую зависть и языки, Боже упаси!

– Вечно вы там с ними жить не будете; война окончится, возвратитесь домой, а то, что было... в воду!! Для Ордена вы там потребны и многое можете учинить: таких четверо глаз десяток мужских стоят.

Казалось, что Носкова ещё колеблется.

– Должно быть так, как мы говорим, – кончил казначей живо. – Я везу вам приказ великого магистра, а за вашей безопасностью следить будем, потому что вы для нас дороги. Письма важные; если послы короля Сигизмунда ничего не сделают, чтобы войну замедлить раньше, чем нам больше подкрепления придёт из Германии, это может сделать на брате княгиня Александра. Она будет недалеко от дороги и лагеря Ягайлы, заедет к нему, либо он к ней. Вы, несомненно, короля увидите.

– Мне неинтересно на него смотреть, – отозвалась Носкова.

– Разумеется, вы увидите его и опишите нам через посланца каждое слово, каждую складку на его лбу. Пусть бы старик и Офку увидел, у него олоферновские страсти, а из неё была бы Юдифь!

Он поднял руку вверх, потом посмотрел на смутившуюся торговку, и из кубка медленно выпил вино.

– Тихо! – оглядываясь, воскликнула Носкова. – А что если девушка это услышит? Она с ума сойдёт. Ей только это и нужно, чтобы голова пошла кругом. Её следует непрерывно тушить, не разжечь! Вы не хотите моего несчастья!

– Счастья, пожалуй! – прервал Мерхейм. – Всё бы христианство как героиню её славил, если бы спасла его от хитрого врага.

Носкова беспокойно оляделась, держа пальцы на устах. Монах смеялся.

– Не бойтесь, – сказал он, – между тем, речь идёт о письмах и о новостях: слуг мы вам подберём...

Весь разговор вёлся тихо и вблизи от наполовину прикрытой двери спальни. Ни Носкова, ни Мерхейм не заметили, что девушка, которая подав вино и фрукты, ушла, потом, унося платье, подкралась за приоткрытую дверь и подслушивала. Может, не все слова матери она могла уловить, но то, что говорил казначей немного громче, ей легко было подслушать. Носкова и казначей молчали, когда послышался шелест платья из-за двери и Офка, смеясь и хлопая в ладоши, испугав мать, вбежала в комнату. Она стояла напротив матери, по очереди смотря на монаха и на неё.

– Матушка! – воскликнула она. – Я всё слышала! Я всё знаю и сердце моё скачет. Мы поедem, матушка, поедem.

Встревоженная и гневная Носкова с грозным лицом обратилась к дочке, делала ей знаки, чтобы молчала. Казначей смеялся, полный радости.

– Вот это мне женщина! Вот мне Юдифь, – крикнул он, – это мне верный слуга Ордена, не боится ничего, готовая и в огонь, и в воду. Бог тебе за это воздаст!

– А! Я? Хоть завтра на коня и в дорогу! – отозвалась она весело. – Мама, в дорогу! Я до сих пор нигде не была, один раз только в Мальборге у Божьей Матери и в Тухоле. Я здесь уже задыхаюсь в этих стенах, за которыми света не видать. Мы поедem великолепно, по-княжески, в окружении двадцати вооружённых слуг, по-княжески, на княжеский двор к славной княгине, ягайловой сестре. За это стоит великому магистру ноги целовать.

Она подскочила, хлопая в белые ладоши.

– На коня! В дорогу! Лошади я не боюсь, воинство меня не пугает, а увидеть необъятный свет – это восторг! Мама! Князей, королей, княгинь, баронов, дворы, замки...

Искоса поглядела она на восхищённого ею Мерхейма, который гонялся за ней глазами.

– За письма, – прошептала она, – вы можете не опасаться, я положу их под платье; а ножик всегда у пояса ношу: если кто бы посмел прикоснуться – убью!

Говоря это, она сделала рукой движение, как если бы действительно хотела ударить в сердце.

– Ради Бога! Эта девушка – королева! Это деликатес! – крикнул, вставая, казначей. – Она всё с полуслова понимает и ничего не боится. У нас нет лучшего посла, чем она.

Носкова с некоторой гордостью поднялась, забывая об опасности, схватила её за голову и поцеловала в лоб. А девушка целовала ей руки.

– Едем, мама, едем и вы увидите, что ангелы проведут нас безопасно и лошадь в дороге не застрянет. Никто не посмеет нам ничего учинить! Пока мы на земле Ордена – мы немки, выезжаем за границу в Польшу – мы польки. Я уже умею такие красивые польские песни грустно тянуть, что их слушать невозможно.

Уже вся воспламенённая надеждой той поездки, Офка, не обращая больше внимания на достойного казначея, летала по комнате, во всех зеркальцах разглядывая себя.

– Вы видите, сестра Барбара, – промолвил в конце Мерхейм, – что девушка совсем не боится путешествия, а вы опасались! Итак, мы пока сначала уложим все вещи, только бы ничего на завтра не осталось. Двадцать слуг мы вам пришлём, за которых мы ручаемся. Из местных ни одного не возьмём, дабы не получилось, что они скинули монашескую одежду. Мы приведём их из Бальги, Эльблонга, Грудзандза и свяжем их сильной присягой. Возниц и карету вы найдёте дома. Также нужно женскую одежду и вещи взять в достаточном количестве, чтобы иметь в чём появиться на княжеском дворе. Эскорт и письма я вам привезу, но о письмах живая душа знать не должна, а доставить их нужно никому иному, кроме самой княгини, и так, чтобы свидетелей при этом не было. Подарки для неё магистр пришлёт; они никогда дела не портят: с голыми руками даже холоп в суд не ходит.

Казначей налил себе новый кубок и осмотрелся: Офка жадно его слушала.

– Подайте-ка второй кубок для матери, – произнёс он, – пусть хоть капельку с сахаром выпьет: это ей дух подкрепит.

Офка сразу закружилась и прибежала с венецианским прозрачным стаканчиком, по сторонам которого, как нити, вились белые стеклянные жилки.

Казначей налил немного вина, торговка из стоящей мисочки взяла кусочек сахара, и с ним, заслоняясь рукой, лениво и неохотно выпила чуть-чуть вина.

– Значит, всё хорошо, – молвил крестоносец, – но мы ещё одной вещи не коснулись: сейчас о ней начну. Будете думать только о хорошем, ибо я вам одну неожиданную, но милую новость принёс... Увидите.

Носкова как-то задумчиво и мрачно посмотрела, а Офка, опережая её ответ, быстро воскликнула:

– Пусть ваша милость не обращает внимания, что матушке поначалу так грустно. Она так всегда в начале принимает, но потом и сама будет рада! Как в карету мы сядем и в поля выедем широкие... в мир, порадует её душа! Она этого ещё не видит, а у меня уже всё перед глазами. Шумят леса, золотятся поля, тянутся белые крылатые облака, пенятся реки... ржут кони, а мы постоянно летим дальше, в мир, в мир!

Крестоносец слушал обрадованный, глаза матери также засмеялись.

– Теперь, – вымолвил он, – пусть Офка идёт собираться к путешествию, а мы ещё должны немного поговорить, буквально два слова.

– Которых мне слышать не полагается? – смеясь, прервала девушка. – Пусть ваша милость будет уверена, что я сама до них додумаюсь, не слушая... Итак, я иду.

Она низко поклонилась и исчезла.

– Ещё одно дело, – проговорил казначей, – но не знаю, как его коснуться.

Он повернулся к вдове.

– У вас есть какая-нибудь родня? Мы-то никогда ни о ком не слышали.

Сильно удивлённая, вдова заёрзала на стуле.

– Родня? – повторила она, морща лоб. – Родня? Я о ней, она обо мне забыла! Не знаю, умерли, может; никогда никто не объявил о себе, я тоже не могла... Я имела одного единокровного брата, от одного отца, но не от одной матери, тот юноша, вероятно, ушёл из дома и стал либо монахом, либо ксендзом.

– Несомненная вещь, – сказал казначей, – то, что вы его увидите.

Носкова подскочила, почти испуганная этой новостью.

– Откуда бы он, Бог мой, взялся? Здесь? Он? Скажите, прошу вас. Я не знала, что он жив, и где находится.

– Я его вам привёз, – заявил казначей, – но послушайте... Он прибыл из Польши, его подозревали, что он посланный короля, у которого служил. Кажется, что он человек набожный. Его вы возьмёте в товарищи по путешествию, с ним будет безопасней. Однако помните, что даже и брат о тайнах Ордена не ведаёт: предостерегите дочку, дабы молчала.

Торговка слушала всё больше удивлённая и почти немая – так эта новость её тронула.

– Где же он? Где? – спросила она беспокойно.

– Тут, в замке!

– Тут? Брат? Кто же сказал, что он мой брат?

– Он сам.

Носкова замолкла.

– Удивительна Божья воля!

– Так удивительна и для Ордена благоприятна. Бог как бы намеренно его прислал для безопасности вашей поездки. Да будет Ему благодарность. Примите старика как брата, но молчите перед ним, как перед чужим: он ничего знать не должен ни о письмах, ни о вашем посольстве. Офке закройте уста.

– Девушка умная, для неё достаточно полуслова: не бойтесь.

– Пришлю его сюда, но сделайте, кабы вы даже не знали о нём и не говорили ни о чём со мной.

Казначей положил пальцы на уста.

– Вы являетесь его сестрой, – добавил он, – а вместе с тем и сестрой в Ордене, а кто вступил в нашу семью, тот другой не имеет...

Носкова склонила голову. Взволнованно проводила до двери Мерхейма, который, шепнув ещё несколько слов, исчез на тёмной лестнице каменицы.

* * *

В комнате уже был сумрак и двое слуг вошли с зажжёнными свечами.

Носкова, вернувшись от двери, упала на стул и неподвижно сидела, подперев голову рукой. Тихо было вокруг, только отдалённый голос Офки, которая наверху напевала какую-то песенку, штурмую сундуки и уже готовясь в дорогу, доходил заглушённо до ушек вдовы.

Воспоминание об этом почти неизвестном брате вызвало всю череду давно присыпанных могильной землёй памяток о семье и доме.

Она сидела, погружённая в них, когда в коридоре шелест и шаги объявили чьё-то пришествие. Замковый кнехт отворил дверь и впустил старца в потрёпанном одеянии, идущего с посохом. Его рука у входа сразу искала кропильницу, в каковых в те времена ни в одном доме недостатка не было, перекрестился. Его удивлённые глаза бегали по великолепному интерьеру,

он ступал со страхом, чувствовал, что его убожество, по-видимому, странно выделяется на фоне этих богатств.

Носкова медленно вышла к нему и молча взглянула. Лицо старца пробудило в ней давно стёртое воспоминание отцовских черт. Она вся встрепенулась, как будто увидела призрак, возникший из могилы.

Ксендз опёрся на свой посох и, казалось, не смел вымолвить ни слова.

Он уставился в лицо хозяйки.

– Барбара, – сказал он глухим голосом, – ребёнком тебя помню... ты меня не можешь... я брат Ян из Забора. Помнишь Забор, нашу усадьбу... отца?...

Его голос ослаб. Носкова, долго смотря, всё сильнее тронутая, заревела сильным женским плачем и бросилась к его ногам. Ксендз положил свои дрожащие руки ей на плечи и, целуя её в голову, также плакал.

В эту немую сцену вошла, напевая, а скорее вбежала, Офка и, видя мать на коленях при незнакомом старце, остановилась, как окаменелая. Она не могла понять ни что произошло, ни кто был этот человек, который не имел монашеской одежды на себе и выглядел как нищий.

Затем мать скорее почувствовала её, чем увидела, и возгласила:

– Офка! Дядя твой! Брат мой! Встань на колени, пусть благословит тебя.

Старичок немного обернулся и, увидев девушку, ещё смеющуюся от радости, которая не успела исчезнуть с её лица, улыбнулся добродушно и ласково.

– Бог Авраама и Иакова пусть вас благославит и будет с вами во веки веков. Аминь!

Очарование голоса проникло в сердце легкомысленной девушки и она с нежностью припала к руке старца.

– Идите, идите, – отозвалась Носкова, поднимаясь и беря под руку ксендза Яна, – вам следует малость отдохнуть, это видно по вашему лицу.

Старичок улыбнулся.

– Пешком до Мальборга, к Матери Божьей иду, из нашей Силезии... за милостьюней, – начал он говорить, усевшись. – Даже до порогов костёла ангел-хранитель меня вёл. Меня принимали в монастырях, ночевал в домах приходских священников, люди кормили хорошо, давали непрощенную милостьню. Так дотащился я даже до ворот. Там меня встретило несчастье. Лошадь мне ногу придавила, однако же я был гостеприимно принят...

– А! В Мальборге, – воскликнула Носкова, – паломникам только отдыхать и использовать их.

Старичок не отрицал.

– Добрые были, милосердные, – говорил он далее, – пока злой дух им не нашептал, что я могу быть шпионом из Польши.

Вдова побледнела.

– Ежели бы не Божье милосердие, был бы я выдан на пытки.

Офка вскрикнула от возмущения и страха.

– Время войны – страшный для людей час, – продолжал старичок спокойно. – Они невинны, скорее я виноват, что письма и доказательства не имел... как будто в мирное время. Однако Бог хотел защитить слугу своего: нашёлся в госпитале юноша, который свидетельствовал за меня; я ссылаюсь и на вас, дорогая сестра. Прислали меня сюда и я только благодарен им, виноватым, что вас могу видеть и благословить.

Рассказ ксендза заставил женщину замолчать.

– Всё это как сон перед очами моими, – начала говорить Носкова, – какая же это удача для меня!

Старичок со страхом обвёл глазами богатую квартиру, а потом его взгляд упал на собственную невзрачную одежду.

– Я вижу, Бог вас в земных дарах благословил, – промолвил он медленно, – я и не стремился к ним. А ваш муж?

– Я давно уже овдовела, – тихо отозвалась женщина, – я сиротой осталась с этим ребёнком, но Бог заботился о нас.

Так начала она разговор, к которому Офка, любопытная ко всему, прислушивалась, нахмутив лоб. Этот старец, такой убогий и истощённый, привлекал её как загадка, которой она не могла постичь. Она всматривалась и прислушивалась к нему с восхищением и тревогой. Легкомысленное создание, она чувствовала себя первый раз в жизни побеждённой, запуганной какой-то силой, которую не понимала. Она хотела уйти и не могла. А когда старичок начал потихоньку рассказывать о себе и своей жизни, уселась у его ног, лишь бы не пропустить ни слова.

Так прошёл вечер. После ужина подготовили скромную комнату, потому что другой он принять не хотел, потом обе женщины проводили его в гостиную. Ксендз Ян просил о жёстком ложе, о простом покрывале, и ничего больше. Должны были снять постельное бельё и сдвинуть занавес.

Офка сама прислуживала, молчащая, а мать не могла надивиться её послушанию и скромности. Когда женщины выходили из маленькой комнатки, ксендз Ян на жёстком полу стоял на коленях в молитве.

– Мама, – шепнула Офка на ухо вдове, – мне так кажется, будто св. Франциск пришёл к нам в гости. Я ему не доверяю, он готов ночью на небо улететь! Это святой человек, но я его боюсь. Холодно мне, когда смотрю на него; кажется мне, что он читает в моей душе и знает все грешные мысли мои.

* * *

Ещё продолжались видимые переговоры вокруг мира с крестоносцами, Ягайло медлил с бросанием последнего жребия, тревожась не столько силы Ордена, как его интриг и опеки короля Сигизмунда, а так же объявлением войны с венгерских границ. В самом деле, Сигизмунд сказал тихо, что войну объявит, но её не начнёт, и, несмотря на это, старался Витольда оттащить на свою сторону и отвлечь от примерения с Ягайлой.

Можно ли было так верить двойной политике? Никто не сомневался, что война, и война кровавая и решительная, должна разразиться.

Во всей стране готовились к ней и стягивались под хоругви. Всё рыцарство или уже на конях сидело, или готовилось выйти из домов. Множество даже тех, которые за границей счастья или рыцарской науки искали, и те, которым там хорошо жилось, бросали при дворах должности, приобретённое имущество и с людом к дому спешили.

Везде можно было почувствовать и увидеть грядущую войну. Сельскими дорогами и трактами, лесными тропками шли рыцари и наёмные полки, роты и отряды, таща за собой обозы, оруженосцев и необходимое простонародье.

На реках привели в порядок броды, приготовили мосты, а в пущах, где дорог не бывало, только тропинки, извилистые и тесные, приведённые толпы валили стволы старых деревьев и засеками сталкивали их по сторонам, делая новую дорогу для королевских войск. Везде двигался народ, собиралось шумное дворянство, а перед хатами и усадьбами стояли грустные женщины со сложенными руками или прижимали детей, думая, что война принесёт, смотря на леса, последнее далёкое убежища. Кое-где по утрам и лунными ночами спешил люд с собранным урожаем, дабы зерно скорее упрятать в броги; потому что, куда солдат и конь голодный пришли, а хоругвь остановилась на привал или на ночлег, уже потом нечего было искать в поле. Крутились послы и курьеры, высланные на разведку за информацией на границу, а по пограничным крепостям у крестоносцев бдительность была великая, поскольку шпионов ловили

постоянно. И не новостью было в поле на дубе увидеть повешенного человека либо свежую могилу на распутии, покрытую слоем веток.

Из королевских пуц огромные запасы солёного мяса, лосины, дичи, оленины, набитых заранее, пустили по воде, с тем чтобы доставить провизию войску; возы также длинной вереницей тянули военные запасы, волоча их в королевский лагерь.

У границ тревога была особенно заметна – сюда всё собиралось и стекалось: одни – чтобы вторгнуться, когда пробьёт час, другие – чтобы возмездия не допустить, потому что неприятель огнём за огонь, мечём за меч платил. Тут каждый замок был вынужден отремонтироваться и вооружиться, чтобы на случай и с малой горсткой с большим мужеством мог защищаться.

Из городков и деревень население на повозках тащило своё имущество в крепости, теснилось под стены и за стены, оставляя деревеньки на милость Божью и не надеясь увидеть своих хат, поскольку неприятель шёл огнём, шёл мечём, а где железа не имел на ком притупить, головешку подбрасывал. Когда приходили, не оставалось ничего, только чёрная земля и серые пепелища.

По всем костёлам наказаны были молитвы, духовенство говорило, вдохновляя дух, женщины ломали руки, рыцарство благословляли на войну. Дети смотрели издали и смеялись блестящему оружию.

Хоть война против немецких рыцарей не была новостью для Польши, всегда этот чёрный крест на монашеском и рыцарском плаще пробуждал какую-то тревогу, ибо, воюя против тевтонцев, с христовым крестом не воевалось.

Имел также немецкий Орден в соседних странах много друзей, полубратьев и братьев-соучастников явных и тайных, которые сеяли как могли сомнения и пугали силой Ордена и Божим возмездием за рыцарей Марии.

Говорили, что на сигнал из целой Европы тянется туда самое храброе рыцарство, а Польша с ним одна со своим не справится. Рим и империя были с Орденем и за Орденем. Жадные до добычи риттеры со всей Германии выезжали из своих бургов, стоящих на часах у дорог, торопясь на призыв великого магистра, надеясь на богатую добычу.

Их не обманывали ни индульгенциями, ни святостью крестовой войны, но гораздо более заманчивыми почестями и обещанием добычи.

Судьба Ордена интересовала всю Германию, так как не было уголка в ней, который бы туда не выслал кого-то из своих: брата, дядю, родственника.

На орденских переписях светились самые знаменитые имена: Лихтенштейны, Золлерны, Сайновы, Хацфельды, Салцбахи опекали наивысшие достоинства в Ордене. Земли, которые держал Орден, были немецкой колонией и добычей для будущих поселенцев, императорским и папским даром. Те, кто охранял свою собственность, казались нападающими, а нападавшие – жертвами.

Вестями об идолопоклонстве литовских, жемайтских, более того! польских язычников кормили Европу, которая в те времена столько знала о тех странах, сколько сегодня. Ягайлу везде рисовали как язычника, а Витольда не отличали от татар, которых он у себя вербовал.

Орден медлил с решительной битвой и, может, отложил бы её до другого момента, ибо чувствовал, что она может решить его будущую судьбу; однако не меньшая тревога царила в лагере Ягайлы, потому что и здесь поражение тянуло за собой неопределённые последствия.

Германский мир, мечом прущий на восток, должен был столкнуться с защитниками славянских земель от наплыва германского племени; война должна была решить, захватят ли отряды завоевателей, переодетых в монахов, земли даже до Геродотовой белой темноты.

Недавно крещённый язычник боялся, как бы его не обвинили, что он воюет против христианства. Может, поэтому, и для прощения у Бога, для которого воевал с убеждением слуги, Ягайло по дороге был набожным, как всегда, или ещё более набожным.

Ехал король со двором из Нового Корчина на Стопницу в Слупу, как подобало на войне, не с очень громадным, всё-таки королевскому достоинству соответствующим, кортежем. В Короне он уже в это время не правил, сдав наместничество своей власти ксендзу Миколаю из Курова, архиепископу гнезненскому, сам став вождём и только солдатом... Таким образом, и двор состоял почти из одних рыцарских людей, за исключением господ писарей, капелланов и духовных, которые были нужны для богослужения, документов и писем, поскольку сам король, как известно, ни читать, ни писать не умел. И служило ему это хорошо, ведь когда его в этом упрекали, скромно объяснял, что знает только то о делах, что ему люди рассказывают, хотя знал обо всём лучше всех.

В Слупе у подножия горы двор, остановившись на ночь, разложился в городке и за ним лагерем, потому что королевский кортеж и хоругви, тянущиеся за ним, поместиться в домах не могли.

Уже известно в панском окружении, что на следующий день Ягайло пешим пойдёт на Лысую гору, как поклялся, и там день проведёт на молитвах.

А не раньше как сорок лет тому назад, та же самая Литва ещё монастырь и костёл этот разграбила! Сегодня приходилось молиться. Послали к монахам, чтобы они были готовы к богослужению.

Наступивший день обещался быть очень жарким; на рассвете двинулось всё, что сопровождало короля, и, кроме челяди, при лагере никто не остался.

Все шли за господином на Лысую гору. И это был торжественный вид, этой длинной процессии духовных и рыцарей, воинов и челяди, тянувшихся пешком за священником, который указывал дорогу, читая молитвы и монотонно распевая с певчими богослужебные песни. Кто Ягайлы не видел в лицо и не знал, тот с уверенностью не принял бы его за короля, видя скромно идущего среди гораздо более богато одетых панов, которые его сопровождали.

Ягайло, в то время уже немолодой, не имел ни черт лица, ни фигуры, отличающихся величием. Видно в нём было что-то от воспитанника литовских пущ, привыкшего к лагерной жизни под чистым небом, отдыху в непогоду под дубами и проводящего целые месяцы в лесу, не заглядывая под крышу и не попробовав мягкого ложа.

Это был муж среднего роста, небольшой полноты, стройный и достаточно ловкий; голову имел маленькую, узкую, уже немного лысую, расположенную на длинной и жилистой шее; лицо тёмного цвета больше всего поражало чёрными глазами, маленькими, живыми, беспокойными и бегающими. Казалось, они исследуют каждого и хотят охватить всё.

По устам трудно было что-то прочесть, кроме мягкости и добродушия, которые просто не могли в резкий гнев и быстро перейти. В это время его уста были сжаты, глаза сверкали, жилы на висках раздувались, и король становился ужасным. Таким он бывал чаще всего на охоте и в кучке дворовых, а когда появлялся в народе, сдерживался и сыпал охотно золото, только бы мир выкупить. На этот торжественный день король, который зимой в простой овчине ходил, а на аудиенцию брал серый плащ, одел свою обычную серую бархатную богатую тунуку, из-под которой был виден шёлковый тафтяной жупаник, с широким чёрным ремнём, обрамлённым, перетянутым коричневой шёлковой лентой. На ногах были надеты тёмные суконные чехчи, а в руке была шапочка, шитая золотом.

За ним для защиты от солнца Новек, панский слуга, нёс запасную соломенную шляпу, подшитую шёлком, с тем чтобы король надел её, когда захочет.

За королём длинным строем шли рыцари и паны, командующие, маршалки, казначеи, кравчие и великое множество придворных, слуг, должностных лиц, оруженосцев, челяди.

С обеих сторон дороги стояла толпа простолюдинов, мещанство из Слупы, крестьяне из окрестных деревень, бедняки со всего света с вытянутыми руками. Королю из калеты подавал горстями гроши казначей, а он собственноручно делил милостыню теснящемуся нищенству. Вся гора роилась народом.

Панский двор выглядел наполовину рыцарским, наполовину духовным, потому что в нём клириков и духовных было достаточно. Шляхта на этот день почти вся сложила тяжёлые доспехи, идя с саблями и мечами, с шапками вместо шлемов в руке, чтобы плечам и головам дать немного отдохнуть. И шли все в великом порядке, с процессией, ибо ксендз спереди нёс серебряный крест и одет был в стихарь и столу. На некотором расстоянии из костёла вышло всё духовенство в сторону короля и ударили в колокола. Были принесены церковные хоругви и те реликвии, которые Литва увезти не могла. Встретивший их король, став на одно колено, поцеловал, и толпы потянулись непосредственно к костёлу. До захода солнца он стоял потом на коленях на подстилке, молясь и по-прежнему раздавая милостыню, а здание, едва могущее вместить панский двор, было обложено до мрака.

Двор также, подражая пану и накапливая себе благодать и Божье благословение, в голоде пережил день, лишь поздним вечером устремившись в городок, чтобы перед сном поесть. Ждали столы безвкусно накрытые мясом, рыбой, овощами, пирогами. Король, кроме воды, другого напитка не употреблял, для рыцарства стояли чаны и кувшины с пивом: мёд едва где показывался. Ножи и ложки имели все при себе и ели из одной миски. Мяса и рыбы с какой-нибудь приправой хватило, чтобы убить мголод. После чего, как кто был, лёг где мог, не ища иного ложа, чем войлок, седло и сено. Неподалеку ржали лошади, что было самой милой для солдат музыкой. Не все имели шатры и не каждый приказывал их разбивать.

На небе посеялись звезды, когда король вышел из избы, в которой сидеть не любил, и в подсенях припал на скамью, рассматривая околицы.

Затем Збышек из Олесницы, один из королевских писарей, очень им любимый, подбежал с поклоном и улыбкой на лице, которую у него редко удавалось заметить, потому что, несмотря на молодой возраст, был очень строг и серьёзен. Король окликнул его своим грубым голосом, спрашивая, что за радостную новость он принёс и чего так спешил.

В сущности, Збышеку было о чём известить, так как он первый проведал, что паны, которые забросили службу короля римского и венгерского, дабы вернуться к своему господину, ночевали недалеко и назавтра хотели стать рядом с Ягайлой. Между ними были Завиша Чёрный с братом Фарнрейем, Сулимчичи, Калеки Рожичь, Войцех Малски Наленч, Пухала Вениавчик, Януш из Брзозоглов и многие другие. Уже известно, что король Сигизмунд стремился их задержать, обманывал милостями и запугивал угрозами; всё-таки не сломал, не увлёк, потому что, покинув добро и сокровища, пошли они прочь силой к своим, заслышав о готовившейся войне.

Возрадовалось панское лицо и улыбнулось; это он принял за выразительный знак Божьей милости и плод молитвы, что ему теперь дано о них знать.

Другой из придворных известил так же, что княгиня Александра, сестра Ягайлы, очень им любимая, дорогой хочет забежать, желая его увидеть и поговорить с ним. Так же ожидалось оба князя Мазовецких, Януш и Семишка (Зеймовит), которые обещали прийти с людьми к Козейнице под Червенск, где для войск плотники и строители построили невиданный мост на коньках, в который, кто его не видел, не хотел верить.

Поздней порою король, потратив время на разговоры, пошёл к приготовленной лежанке, где его ожидали слуги Боровиц, Чохал, Юрад и Новэк для снятия одежд. Комната для короля в доме бургомистра была выбрана, правда, самая лучшая, тем не менее, мало отличалась от тех, какие бывают в крестьянских дворах более значительные. Пол посыпан айром, ложе – свежим сеном и устлано лосиными шкурами. Тут стояли латунные тазы и кувшины для умывания, далее лежали облачения и дублённая овечья шкура, которой он никогда не оставлял, и мелкие дорожные принадлежности. Пара восковых свечей в серебряных подсвечниках, тяжёлых, немного освещали помещение. У порога легла челядь на страже, а в сенях – оруженосцы и слуги.

На следующий день король, хоть и пробудился раньше наступления дня, потому что в городке шумело рыцарство, которое приходило и отъезжало, отдыхал, только самых приближённых допуская к себе, согласно обычаю, когда Добек снова о панах из Венгрии известил, что они уже подходят, а кроме них, послы князей Слупского, Штетинского и Мекленбургского. Те князья наполовину, если не полностью уже германизированные, были тут встречены неприязненно. Их подозревали, что они шлют послов-шпионов, которые бы донесли о силах, хотя помощь и подкрепление предлагали.

Солнце ещё не очень хорошо поднялось, когда радостные крики объявили о прибывающих Завишах, Малски, Пухали, Брзозогловых и других. Вышел король сам на встречу с ними. Была так же дружина, на которой око мило отдохнуть могло и душа ей радовалась. Ехали с великолепным отрядом, все в светлых и позолоченных доспехах, опоясанные красными лентами, на сильных лошадях, в полном снаряжении, с мечами, кованными серебром и золотом.

Когда они докатили до Ягайлы, всё рыцарство и двор выбежало их разглядывать. Все сошли с коней и с Завишей во главе пришли к панским коленям поклониться; Ягайло с невыразимой радостью их принимал, гостей кормить и поить приказывая. А так до подарков был охоч, что, если бы он столько замков для подарка имел, сколько его рыцарства приветствовало, дал бы конечно каждому по одному.

Вскоре за ними, но со значительно более жалким отрядом, приехали объявленные послы князей, в глазах которых сразу было видно плохое.

Мекленбургский, старик с седой бородой и лисьим выражением лица, говорил за других.

Королю вынесли покрытое сиденье в подсени и так их там он принимал в серой епанче и соломенной шляпе, приказав хорошо одетым рыцарям стать вокруг.

Посол в правильной форме заявил от князей, что они были готовы поддерживать короля против крестоносцев; на что, по поручению Ягайлы, подканцлер Клемент (из Москорцова) ответил, что за добрую их волю король князей благодарит вежливо, но так как уже с Божьей помощью он сам собрался со своим людом и литовским, и русским, таким образом, разве что, не было бы слишком поздно.

Мекленбургский говорил много о силе и о больших приготовлениях Ордена, словно стремился посеять страх, доказывая, что подкрепление не помешало бы, потому что и Орден из Германии тянет другие подкрепления. На что подканцлер Клемент ответил, что, хотя тевтонская сила велика, у Бога она ещё больше, а если бы в лагерь князя их милости прибыть благоволили, где бы короля не застали, хотя бы уже на поле брани, он рад им будет.

Затем послов у стола своего принимали маршалы и поднимали щедро по поручению короля, а те, запьянев, сами говорили разные речи и насмешки, но ответов также хватало.

Им не дали слишком хорошо рассматривать лагерь и на вопросы охотно не отвечали, но их до следующего дня должны были терпеть, пока одарённые, они не исчезли. Каждый получил по овечьему кожуху и по позолоченному кубку, лишь бы уехали прочь.

В Сулейе король уже имел около себя чуть ли не все свои силы, кроме великополян и Мазуров, которые собирались с ним соединиться лишь у Вислы. Туда так же хотели прибыть чехи с моравами, Сокол, Сарновский и другие с наёмными войсками, обозами, телегами, пушками и провизией, которые разными дорогами были привезены к Червинску.

Всё до сих пор складывалось очень успешно, у Ягайлы тоже были хорошие мысли, хотя выпадали на него и мрачные дни, когда он мало говорил и доступ к нему не был безопасен. Рыцарство шло с великим воодушевлением, напевая песни, бряцая мечами, сверкая доспехами, а утром и вечером собираясь на молитвы. И где лагерем останавливались, палатку-часовню разбивали, дабы служба Божья не прекращалась. Король ежедневно слушал мессы, прежде чем сесть на коня.

Десятидневное перемирие позволяло войскам не спеша дотянуть до самых тевтонских границ.

Почти не было в том стягивании ни случайности, ни вреда: удивительно было то, откуда такие толпы вооружённых людей стягиваются с разных сторон и почти чужих друг другу. Только в Сеймицах у пруда, когда палатки разбивать только что начали и о еде думать, на войско напала суровая гроза. Это было субботним днём и как раз собирались угощаться рыбой, так как её было предостаточно, когда в палатке Добка из Олесницы, который со своими сидел возле своей миски с рыбой, молния ударила в самую миску, рыбу спалила полностью и уничтожила так, что от неё ничего не осталось, никого из сидящих не задев. За настоящее чудо посчитали, что закончилось только сильной тревогой. На св. Петра и Павла дотянулось войско до Козлова у Бзуры, там в воскресный праздник вместе провели молебен.

Немного беспокоились, ожидая вестей от Витольда, когда гонец от него прибыл к Ягайле, сообщая, что он со всеми своими силами стоит у Нарева, не смея перейти через него, опасаясь, как бы неприятель неожиданно не напал с тыла, либо со стороны. По этой причине ему для обороны послали сразу несколько хоругвей.

Так тянулось войско далее до Козениц, где был тот славный мост, для него построенный, по тем временам особенный и невиданный. Был он первый такого типа, используемый для переправы, и такой крепкий, что по нему не только всё войско, но пушки и каменные ядра, и телеги с провизией безопасно могли переправить на противоположный берег в лагерь, где чехи своим мастерством устанавливали табор.

Здесь королю сообщили о Витольде, навстречу которому с великолепным отрядом ехал Ягайло на приветствие, и проводил его до того моста, укреплённого огромными кобылицами у берегов и окружённого стражей.

Почти всё рыцарство высыпалось навстречу Витольда, который сам имел панскую фигуру и красивый кортеж, но его армия, особенно татары, выглядели дико, шли недисциплинировано и вооружены были плохо.

Ягайлово рыцарство в железном панцире имело превосходное вооружение, длинные копья и далеко достигающие; у татаров и Литвы оружия и доспехов было слишком мало, копья лёгкие и короткие, а люд шёл толпами, кучами и шумно.

Лишь позже их отсортировали и поставили в хоругви и ряды, согласно росту и силе.

Затем оба войска вместе начали медленно переходить через мост, хоругви со старшиной во главе либо, как на процессии, в порядке... и сразу на другом берегу разбивали палатки. Тут так же сразу рядом с королевской установили первую большую палатку, предназначенную под часовню, в которой был хор и всё, чего требовал костельный порядок.

В праздник Благовещения Богородицы ехал король к Червенску в монастырь на молебен со значительной частью своего рыцарства. Там его ожидал Яков, епископ Плоцкий.

Месса для войска, которое в костёле поместиться не могло, отправлялась на холме перед стенами, у специально поставленного алтаря, рядом с которым так же был возведён и амвон для епископа, увешанный коврами.

С него епископ Яков должен был по-польски для толпы собравшихся произнести речь, убеждая тех, которые бы какие проблемы с совестью могли иметь, что война против немецкого Ордена справедливой была и тысячами несправедливостей, злодеяниями и жадностью их ненасытной вызвана.

А был этот епископ Яков человеком не только учёным от книг, но вдохновлённым и красноречивым так, что когда за обиды к мести немцам начал к Богу взывать, шум поднялся и крики, словно в то же мгновение, кто жив, хотел бежать и воевать с ними. Все слушали в сильном волнении и мечи в ножнах бряцали оттого, что по ним нетерпеливо ударяли руки. Не один, который холодным сюда пришёл, вернулся разгорячённым.

Также здесь в лагере под Козеницами и Червенском послы венгерских господ, которые якобы мир хотели заключить между Ягайлой и крестоносцами, едучи из Торуня, при-

слали поляка Добеслава Скорачевского с просьбой, чтобы им король назначил день аудиенции. Поскольку требования крестоносцев были им уже известны, они хотели услышать королевские.

Когда Добеслав прибыл в лагерь и известил о себе, король посоветовался с князем Витольдом, какой бы дать ответ. Оба они отлично знали немцев и Орден и хорошо знали, что эти переговоры ни к чему привести не могли. Не хотели их, однако, отвергать, дабы не говорили, что жадными были до войны, а мир презирали.

Итак, занёс подканцлер ответ Добеславу, что король следующую субботу и воскресенье назначает на аудиенцию, но места указать не может, так как войско, двигаясь дальше, определённых назначенных пунктов не имеет.

Поляка Скорачевского, который при Ягайле много друзей имел, а в лагере – родственников, отправили из Торуни для того, чтобы рассмотрел войско и рассказал, как его нашёл.

Готовые к отъезду, ждали ещё в Торуни посланца венгерские господа Николай Тара и Шибор из Шиборжич. В замке их комтур гостил с великим магистром. Когда сообщили, что Добеслав вернулся, сбежалось всё живое слушать, что он поведает и что он с собой принёс.

Комтуров и старейшин в замке было много, все ждали ответа, где он короля обнаружил, с какой силой, и с каким сердцем.

Скорачевский, который целых два дня пробыл в лагере и имел время всё хорошо разглядеть, сказал, что король, перейдя Вислу, остановился уже у монастыря в Червенске.

Все изумились, но верить не имели охоты. Скорачевского подозревали во лжи.

– А князь Витольд? – спросил магистр. – Соединился ли он уже с королём?

– Именно в тот самый день, когда я прибыл в лагерь, он подошёл с многочисленным, хорошо вооружённым и сильным отрядом, – сказал Добеслав.

На это усмехнулся великий магистр, а за ним и другие начали смеяться.

– В витольдовом войске, – сказал он, – больше людей в ложках, чем в броне!

– Ваша милость меня простит, – молвил Добеслав, – своим глазам я должен верить. Люд добрый, одетый аккуратно и выглядит на храбрых рыцарей.

На это у одного из комтуров вырвалось:

– Мы их лучше вашей милости знаем, ибо мы с ними не раз дело имели: посчитать бы могли и людей, и коней.

– Но, – вмешался великий магистр, – поведайте же нам ещё о том славном мосте, который построен на воздухе.

Другие начали смеяться, мост посчитали сказкой.

– Я видел и мост, – сказал Добеслав, – не в воздухе, правда, только на воде построенный хитро. Кто хочет, может насмеяться над ним, но всё войско перешло через него сухой ногой и возы по нему провели на моих глазах, а мост не изогнулся под их весом.

По примеру великого магистра крестоносцы начали снова смеяться, подозревая уже всё больше Добеслава во лжи и преувеличении из-за любви к своим. Великий магистр отвернулся от него, пошёл к сидящему Шибору и тихо ему шепнул:

– Ваш посол сказки нам рассказывает, не похожие на правду. Мы посылали туда от себя людей достойных веры и они принесли нам надёжное сообщение, что король Ягайло возле Вислы бродит, пробует переправиться через реку, напрасно ища брода; многих людей потерял, которые утонули в Висле, пытаясь её переплыть, Витольд же стоит у Нарева и пройти его также не может.

Несмотря на то, что великий магистр говорил тихо, услышавший это Скорачевский преисполнился гневом, ибо дворянина обвинили во лжи.

– Ваша милость обвиняет меня в неправде, – воскликнул он, – я рассказал всё, как видел воочию. Сблаговоли со мной кого-нибудь из своих отправить, и в продолжение трёх дней я докажу и смогу убедить, что я прав, и что есть так, как доношу.

Магистр отвернулся.

– А нам это на что нужно? – спросил он. – Ни послать, ни заново обследовать у нас нет охоты. Будущее покажет, кто из нас лучше знал. Вы как поляк говорите, превознося силу своего короля, которого мы вовсе не опасаемся.

На том закончили.

Великий магистр был уверен в силе, в способности Ордена вести войну и в ресурсах. Но потом прибежал посланец от комтура из Швеция. Принёс что-то совершенно секретное, но понять было легко, что ничего хорошего. Война начиналась под плохим предзнаменованием. Януш из Брзозогловы, Быдгоский староста, как раз первый своей рукой начал войну. Немедленно после окончания перемирия он собрал горсть людей и с ней пустился под тевтонский замок Швеция. Когда кругом неожиданно засветилось зарево, в крепости началась суматоха; крестоносцы сели на коней, и, думая, что имеют дело с какой-то маленькой горстью, смело бросились в погоню.

Именно этого и хотел староста. Якобы убегающие солдаты тянули погоню в засаду, пригтовленную в хорошо окруженном месте. Всех крестоносцев перебили или взяли в плен. Кроме кнехтов и челяди, самих братьев пять человек захватили в плен. Испугавшись за судьбу замка, великий магистр послал очень многочисленный отряд и вызвал рыцарство со всего округа на его защиту. Это была первая встреча и первое предзнаменование, которое крестоносцы не приняли к сердцу. Это было предписано некомпетентности комтура и случайности, только возмездие пробудили в сердцах.

Король Ягайло в походе между Червенском и Заховом был счастлив этим полученным известием.

* * *

Войско тянулось лесом и зарослями, день был жаркий, король, очень уставший и понурый, ехал с покрытой головой медленно на коне, у которого были здоровые ноги и лёгкий ход, что редко сочетается.

Немного поодаль, на конях и пешими, шли и ехали придворные, рыцари и паны, потихоньку разговаривая.

Вдалеке были слышны песни, которые заводили Витольдовы русины, не в состоянии выдержать без них долго в молчании. Вольный ветерок едва затрагивал лес, погода обещалась быть хорошей целый день. Где-нибудь попадался на дороге источник или колодец, бросались к нему все живые и выщеживало его до дна. Не один, скорее коня напоив, сам потом капли уже не получал, но конь был у солдата на первом месте. Некоторые, вспоминая молодые годы, искали созревающие ягоды, чтобы увлажнить ими сухие уста, другие – заполняли грибами шлемы с тем, чтобы их испечь на привале. Ломаными ветками защищали от мух уставших иноходцев.

Уже продвигались к границам, когда посередине широкого тракта, где пересекались дороги поменьше, а с языческого времени стояли идолы на столбах, на месте которых позднее были поставлены фигуры и кресты, подняв глаза, увидел Ягайло необычайный вид, а из-за того, что боязливым был до женских чар, встреч и всевозможных очарований, сразу остановил коня, возмущаясь.

В дубраве у распутия был виден разложенный достаточно широко лагерь, зажжённые огни, расставленные столы, разбитые палатки, разгруженные обозы, около которых крутилось больше женщин, чем мужчин. На ветках нескольких дубов растянутый огромный разноцветный занавес просто заслонял от опилок сбитые столы и скамьи, устроенные на пеньках. Некоторые из них покрывали восточные ковры.

Спереди перед тем лесным хозяйством, с хлебом и солью на позолоченной тарелке, стояла женщина средних лет, высокого роста, крупного сложения, важного вида, одетая в тёмное платье, с белой вуалью на голове.

Лицом она была уже некрасивой, его избороздили ранние морщинки, но следы красоты и силы в ней сохранились. Издалека улыбалась она королю, который, остановив коня, против возможных чар пытался на всякий случай защититься, сплёвывая вокруг и через голову коня бросая на дорогу сломанные соломки, которые всегда носил при себе. Ехал также за королём придворный Васько и шёл пешим подконюший Ханош. Ягайло повернулся к ним, указывая рукой на лагерь, и пробормотал, чтобы узнали, кто это мог быть, кто хотел его почтить неожиданным дружеским приёмом. Васько пришпорил коня, поспешил вперёд шагов на двадцать, и, только посмотрев, ни кого не спрашивая, возвратился назад к королю с сияющим лицом, крича:

– Княгиня Александра Ольгердовна Семишкова (Земовитова).

Чем более хмурое лицо сразу сделал Ягайло, тем теперь веселей рассмеялся, ослабил поводья коня, но прежде чем доехал до места, спешился и с великой нежностью пошёл приветствовать сестру.

Своим грубым голосом, который, чем более весёлым был, тем сильнее звучал, он начал делать ей упрёки, что этим сюрпризом она его напугала. Но тут же, сбросив с головы шляпу, сел на скамейку и потребовал у своих воды, потому что её никому, кроме подचाших, подавать ему было нельзя. Подъехал также и князь Витольд, который приветствовал, и сел рядом.

Княгиня из многочисленной родни взяла с собой только двух сыновей, а двор женщины, который в то время выглядывал из шатров, из-за деревьев, кустов и из повозок, стоящих вокруг, с интересом рассматривая тянущихся рыцарей и стоящий панский кортеж, был в очень большом количестве. Ибо войско хоругвями шло дальше к Захову, а из двора только несколько главнейших телохранителей остались при короле и Витольде.

Расходящийся запах жареного мяса и кухонных специй вырвал вздох ни одному голодному. Король был, как всегда, невыразимо рад сестре, будучи искренне привязан к ней с молодых лет.

Двух её мальчиков, которые упали ему в ноги, он похлопал по головам и щекам, а глазами также искоса, осторожно, посмотрел и на белых дам, стоящих в отдалении. Знали за ним то, что к женщинам он имел слабость до самого преклонного возраста. Двор княгини будто стыдливо прятался, на самом деле, однако, с радостью бы себя показал и ближе насмотрелся на рыцарей.

Слышны были шорох и смешки за занавесками, а идущий воин преследовал глазами, одинаково жадными, жареную дичь и скрывающихся женщин. Ягайло начал расспрашивать стоящую княгиню о её многочисленной семье, каждого называя по имени, довольный, смеялся и ждал, пока ему что-нибудь подадут поесть. Затем вдруг его глаза, бегающие с тревогой, задержались и уткнулись в одном месте, не в силах от него оторваться.

У входа в шатёр стояла девушка, нарядная, красивая, улыбочивая, с цветами, воткнутыми в волосы, смело смотря в глаза королю, словно его величие совсем её не испугало. Удивительная красота и свежесть этого личика не одного только короля поразила: князь Витольд и стоящий дальше него двор приклеели к ней взгляд. Было что-то вызывающее и тревожное в том лесном явлении, которое напоминало какую-то богиню литовских пуц.

Король потихоньку прошептал: «*Рагана!*» и снова бросил соломки вокруг себя, однако, очарованных глаз оторвать от неё не мог.

Наконец, князь Витольд, подошедший к княгине Александре, спросил, кого это она с собой привезла.

– У вас какая-то ведьма, которая глазами людей сковывает, – сказал он, смеясь.

Княгиня отвернулась и оценивающе посмотрела на девушку.

– Знайте, – ответила она, – что девушка не относится к моему двору, она в гостях у меня с матерью и дядей, а встретила я их как раз, когда ехала сюда по дороге.

Ягайло с интересом прислушивался, смотрел и сплёвывал, что-то шепча.

– Дивная красавица, – продолжала далее княгиня, – и, что больше – удивительно смела, весела и мудра, больше чем для девки пристало. Со вчерашнего дня мне весь мой двор сбаламутила.

На этом разговор прервался, потому что на стол только что было принесено несколько мисок с супом и дымящимся мясом, а вокруг крутились княгиняны женщины и прислуга, сперва заставляя стол посередине перед королём.

Не притронулся, однако, Ягайло ни к чему, пока ему его подचाший из дорожного ящика не достал кубок, миску, нож, ложку, к которым никому прикасаться было нельзя, кроме него, и никому королю за столом прислуживать не разрешалось, кроме тех, что были приставлены к его особе.

Когда бы случайно или намеренно кто-нибудь дотронулся до панского кубка или ложки, уже бы их король не использовал – так боялся колдовства и злых людей. А когда же больше он имел оснований бояться, как ни перед той войной, главой которой он был, чувствуя, что крестоносцы искали бы способ его убить?

Сел князь Витольд неподалёку напротив, княгиня при брате, рыцарство, капеллан и несколько духовных в конце и за другим столом. Подचाший принёс таз, наливку, королевскую тувальню, все по кругу начали мыть руки, пока не встал священник и не произнёс благословение, которого все стоя набожно слушали. Потом сели, но к миски никто не потянулся, пока король не начал есть, и, утолив голод, не отодвинул её от себя.

Начала тогда княгиня Александра тихий разговор. О чём, если не о войне и крестоносцах? Ягайле было известно, что князя Мазовии, принужденные соседством, имели с Орденном отношения, а тевтонские магистры всегда себе милости и дружбу княгини, как сестры короля, старались получить. Часто шли подарки из Мальборга в Плоцк и Варшаву, посылали их так же отсюда в Торунь и Мальборг вместе с дружескими письмами. Говорили, что княгиня Александра тайно благоволила к Ордену. В Плоцке знали о крестоносцах и их перемещениях гораздо лучше, чем в Кракове и Вильне.

Князя Мазовецкие также шли вместе с королём на войну, ибо иначе поступить не могли; но больше чем кто-либо, они желали или полной победы, чтобы неприятеля навеки сломить, или избежать войны, за которую угрожали ужасной мстостью.

– Поэтому мы идём на ту войну, – шептал Ягайло, – неохотно, принудительно, потому что справедливого мира не хотят и не дают; мы идём, веруя в Бога и в доброту нашего дела.

Он вздохнул, а княгиня повторила за ним этот вздох.

– Война – всегда несчастье, – ответила она, – тем более с таким врагом, имеющим сто явных и двести тайных союзников и приятелей и тысячи ремёсел, нам неизвестных. Сами Господом Богом прикрываются!

– Я знаю-таки знаю, что эта война значит, – сказал Ягайло, – либо нужно их вывести прочь, либо голову сложить. Не хотел я её и не хочу. Почему же не примут справедливых условий? Я только за то, что хотят наши... Кто же знает, когда, когда приедут венгерские господа, не сложится ли что-нибудь, и дай Боже, чтобы сложилось, если ещё есть время для этого. Но что же слышно с той стороны? Что от них?

– Мне как раз привезли вести те женщины из Торуня, убегая и ища приюта перед войной.

– Какие женщины? – спросил король.

– Те, о которых спросил Витольд, а вы на одну посмотрели, потому что удивительная красавица.

– Что же говорят? Что говорят? – начали король и Витольд.

– Кто же знает, известно ли им что-нибудь, и не завывают ли они мощь Ордена! – молвила княгиня. – У них великие и страшные приготовления, как бы не в поход шли, а на завоевание наших краёв. Из-за границы, из Германии, из Англии текут бесчисленные гости с отря-

дами лучников, арбалетчиков, рыцарей. Тащат пушки, ядра, порох. Наёмные воины с Рейна, со всех немецких земель, из Чехии и Моравии постоянно пребывают.

– Чехов и моравян и мы имеем достаточно, – отпарировал король, – двум Богам служат.

– Только бы оба не изменили, – вставил Витольд, – я боюсь наёмников, что на чужой земле за чужое дело для хлеба бьются: это плохие воины.

– Говорите, – сказал Ягайло, – ещё что? Готовы они там?

– Всё в движении: в замках, по городам, в поветах, укрепляют дружину кнехтами, мало рыцарей оставляя: кто живой, тянется к границам огромными отрядами. Самые способные комтуры, с самим великим магистром во главе.

– И не тревожатся? – спросил Витольд.

– Только угрожают, – промолвила княгиня.

– Этого магистра я знаю давно, – прервал Витольд, – ещё при Валенроде он был деятельней его. Рыцарь смелый, отважного сердца, но большой гордости. Если его что погубит то, пожалуй, это горячка и вспыльчивость.

– Мы верим в Бога! – докончил король. – Сила Ордена для нас не тайна, но храбрых людей и у нас немало, а из-за границ тоже что-то собрали.

Король вздохнул, нахмурившись, позвал подчашего, чтобы подал воду: хотел помыть руки, поев досыта. Другие на конце стола лишь начали разбирать мясо, они остались при нём дольше, воткнув ножи и отрезая каждый себе.

Затем Ягайло встал и отошёл с сестрой немного в сторону, но тут же снова за палаткой показалось лицо улыбающейся девушки и рядом седая голова старичка, на которого король, внимательно посмотрев, ударил себя по лбу.

– А это кто? – спросил он, указывая.

– Духовное лицо, сопровождающее тех женщин в дороге, их родственник.

– Я его знаю, – живо добавил Ягайло, – я его где-то видел. Он был среди моих писарей. Это ксендз Ян!!

Он поманил рукой, ксендз двинулся, но приблизиться ещё не смел, думая, что позвали не его; король повторил возвание рукой, и едва старик быстро появился, как подошёл к панской руке, чтобы поцеловать.

Король приветствовал его с более радостным лицом.

– А приветствую, приветствую, – воскликнул он, – вас уже давно не было видно! Что же вы делали? Где бывали, что делаете и как-то вы сюда попали?

– Я считаю, что меня, вероятно, Бог сюда послал, дабы я имел счастье ещё раз видеть королевский облик, ибо я не надеялся тут быть, даже желать не смея.

– А ну говори, ксендз Ян, – добавил король, – откуда? Как?

– Еду прямо из Мальборга и Торуня.

– По доброй воле? – спросил удивлённый король.

– Я паломничил пешком к наис. Панне, а заодно искал потерянную сестру. Крестоносцы приняли меня за шпиона и заключили в тюрьму, желая отправить на пытки. Божье чудо от смерти сохранило, вместе с сестрой мы ушли из Торуня.

– А правда то, – вставил король живо, – что там такая буря на нас собирается?

– Я не много видел, – ответил кс. Ян, – мои женщины, которые там живут, больше об этом знают, но как женщины, только то, что там собирается всякая сила и гнев, и великое упорство.

Король посмотрел на него.

– Что вы мне говорите, ксендз Ян? Что вы нам предсказываете?

Задумчивое лицо старца, словно от лампы, горящей в груди, начало оживляться и проясняться; он светился, вдохновлённый, и в глазах рос.

– Земных дел я знаю мало, – воскликнул он, – я мало их понимаю. Я прошёл пилигримом значительную часть орденских земель, останавливался в их замках, смотрел на жизнь,

удивлялся тому Ордену, повсюду идущему с крестом, но с языческим духом и высокомерием!!
Никогда Бог гордым и полагающимся на себя не даёт долгих побед. Радоваться им позволит, чтобы их ещё больше смирил и раздавил. Кто идёт с Богом в сердце – побеждает. Они Богом пользуются, а не служат Ему.

Княгиня, слушая, немного побледнела и опустила голову, казалась недовольной этой речью.

– Сила Ордена велика, – проговорила она, – и не всё в нём плохое и грязное: я не защищаю их, но страшусь. За ними же папа римский, за ними король Сигизмунд, Империя и вся Германия; за ними сокровищница их и наука, какую имеют, и народ рыцарский.

– А с нами будет Бог! – отпарировал ксендз. – На чьей же земле сидят? Почему себе её узурпировали? Страдания и неволя покорённого люда, на который я смотрел, взывали о мести за него.

– Отец мой, – прервала княгиня, – не подстрекайте короля на войну, – лучше бы вы его к миру склоняли.

– Бог свидетель, не на агрессивную войну заманиваю, потому что я – священник Бога мира, – сказал кс. Ян, – но для защиты духа добавляю, а говорю тем, чем меня совесть вдохновила.

Он с покорностью опустил голову и умолк: на лице княгини выступил румянец.

– Послушайте, что говорят те женщины, – бросила она живо, – всё-таки это сестра ксендза.

– Ваша сестра? – вставил король. – С радостью послушаю.

Они вернулись к шатрам. Ксендз шёл за королём. Княгиня подозвала стоящих рядом Носкову с дочкой и приказала им присоединиться.

Этот приказ Офка тоже поняла, как касающийся её и, не желая отпустить мать одну, устремилась за ней к королю, который на идущих женщин, красиво и богато одетых, смотрел с интересом. Красота обеих произвела на него видимое впечатление, однако же, сестре ксендза Яна и её дочке доступа ближе к себе не рад был позволить и отступил на несколько шагов назад, давая понять, чтобы стояли вдалеке.

С равным интересом вдова и её дочка всматривались в короля. Носкова изогнулась в низком поклоне, который Офка повторила за ней.

Красивая девушка придала серьёзный вид невинному личику, только её глаза безудержно стреляли. Стояли они так, молчащие, не смея говорить первыми, когда Ягайло спросил:

– Что же там делается у крестоносцев? Большой отбор на войну?

– А! – ломая руки, начала Носкова. – Люди говорят, что никогда ещё такого не помнят. Все живые должны идти. Ежедневно новые отряды прибывают из Германии. Сила огромна. Поля вокруг замков, как роем, покрыты вооружёнными людьми, все арсеналы открыты и опустошены. Заклинают и клянутся, что не вложат в ножны мечей, пока не победят и в Кракове не заключат мира.

Ягайло немного побледнел.

– Это женская речь, – вставил ксендз Ян. – Вы повторяете то, что на рынке в Торуня слышали.

– Великий магистр, – прибавила, как бы не слыша, Носкова, – пылает великим гневом, о мире и слышать не хочет.

Ягайло молчал. Офка поглядывала, ксендз через мгновение добавил:

– Великий Боже! Полагаться на Бога и сердце не тревожить.

– Так делается, – прибавил Ягайло.

– К стопам вашего королевского величества кланяюсь, – добавил кс. Ян. – о свободном разрешении проезда и приюта сестры моей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.